

Ярослава ПУЛИНОВИЧ

САЛАМАНДРЫ

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

**Ирина – 50 лет,
Катя – 31 год,
Настя – 16 лет,
Майк – 8 лет,
Роман – 54 года,
Олег – 34 года,
Зинаида – 38 лет,
Оценщик – 50 лет.**

Действие первое

1.

Комната большого деревянного дома на втором этаже. Окно открыто, и сквозь него прямо на подоконник склоняется ветка яблони. Поют птицы. Лето. Жара. Томление всего живого. Шестнадцатилетняя Настя лежит на кровати, ест чипсы, вытирает жирные руки о покрывало, переписывается с кем-то в планшете. В комнату заходит Зинаида. В руках у неё стопка полотенец.

Зинаида. Я полотенца вот.... Сколько раз я просила не есть в кровати! Это ручная работа, народное достояние искусства!

Настя. И?

Зинаида. Это наследие твоего отца.

Настя. Вашего отца.

Зинаида. Что?

Настя. Мы с вами на брудершафт не пили.

Зинаида. Чего?

Настя. Того! Вы мне не мать и не френд, так что на вы, пожалуйста!

Зинаида. Посмотри, какая выискалась!

Настя. Это вы выискались. А я здесь родилась.

Зинаида. *(Замахивается на Настю полотенцем)* Паршивка!

Настя. Don't touch me! I'll scream!¹

Зинаида. Что?

Настя визжит.

Настя. Old bitch!²

Зинаида. Тихе, тихе! Я не понимаю по-твоему. Ну, прости, перегнула палку. Настенька, прости. Ты же знаешь, я не со зла. Я больше не буду!

Настя. Я всё матери расскажу, что вы тут...

Зинаида. А пойдем – я тебе оладушек спеку? В вишневое варенье помакаешь – вкуснотища!

Настя. Засуньте в зад себе свои оладушки! Вы здесь никто, ясно вам? Вас завтра моя мама вытолкает в три шеи, и вы поедете в свою деревню, как миленькая!

Зинаида растерянно и глупо улыбается.

Зинаида. Ну ладно, ладно, чего про это сейчас говорить. Вот, полотенчику тебе принесла. Ты, если ручки захочешь вытереть, так вот его бери...

Зинаида выходит из комнаты.

2.

¹Не трогай меня, я буду кричать! (здесь и далее – англ.)

²Старая сука!

Гостиная. В гостиной сидят Ирина и Роман. Ирина – немолодая уже, но ещё красивая, хрупкая женщина, сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и курит. Она то и дело запускает руку в волосы, отчего те картинно разлетаются по плечам. Роман – высокий худощавый мужчина с глазами немного навывкате, сидит напротив Ирины, перебирает в руках чётки. Чуть поодаль на полу маленький мальчик лет восьми, сын Ирины, играет с самолётиком.

Ирина. И в тот самый первый раз, когда мы с Крисом прилетели в Самару, я повезла его в местный монастырь, я не помню теперь, как он называется. А там купель, вроде как святой источник. И в эту купель нужно окунуться. Нам батюшка все подробно объяснил – надо, в общем, окунуться три раза и три раза сказать: «Господи, помилуй!». Крис сказал, что это опасно для здоровья и он не будет. А я решила поиграть в русскую. Разделась, и с размаху в эту воду – бу-бух. Только вместо «Господи, помилуй» я трижды сказала: «... твою мать!».

Ирина громко смеётся. Мальчик подбегает к матери, «приземляет» самолёт ей на голову.

Ирина. Mike, stop that!¹

Майк. Mom, can I go outside?²

Ирина. No, it's late!³

Роман. А мальчик совсем не говорит по-русски?

Ирина. Немногоговорит. Mike, recite that Russian poem we learned together.⁴

Майк. I don't want to!⁵

Ирина. Do it slowly!⁶

Майк. I don't want to! It's stupid and I never understood it!⁷

Ирина. Oh, come on!⁸ Мороз и солнце – день чудесный!

Майк. I don't want to!⁹

Ирина. Say in Russian...¹⁰

Майк. I don't want to!¹¹

Ирина. Say it in Russian. Why don't you want to?¹²

Майк. I don't want to recite your stupid poem in your stupid Russian!¹³

Роман. Ира, оставь ребёнка в покое. Заговорит.

Ирина. Я уже договорилась с русской учительницей, что она будет заниматься с ним раз в неделю. Но пока у нас теннис и бейсбол. Я даже не представляю, как нам выкроить эти полтора часа.

Роман. Дети быстро всему учатся.

Ирина. Он умеет. Умеет. Просто не хочет, чёртов засранец.

Роман. Ты похудела.

Ирина. Другой ритм жизни. Здесь мы были словно стоячая вода. Никуда не выезжали, всё ходили, скучали. Дни были длинные, разговоры короткие. А потом и вовсе...

Роман. А там по-другому?

Ирина. Там совсем по-другому. Мы живём в Чикаго, Рома.

Роман. Это что-то значит?

Ирина. Это многое значит. Нужно везде успеть. Отвезти детей в школу, забрать, забота о доме, о Крисе, счета. И ещё вечеринки. Много вечеринок. У них это принято. Скучать не приходится.

Роман. Значит, у вас с Крисом всё хорошо?

Ирина. Ещё бы! Крис – шикарный. Шикарный!

Роман. Ты всегда любила шик.

¹Майк, не балуйся!

²Мама, а можно мне пойти погулять?

³Нет, уже поздно!

⁴Майк, прочти то русское стихотворение, которое мы с тобой учили.

⁵Я не хочу!

⁶Прочти немедленно!

⁷Я не хочу! Оно дурацкое и я ничего в нем не понимаю!

⁸Ну, давай же!

⁹Не хочу!

¹⁰Скажи по-русски...

¹¹Я не хочу!

¹²Скажи по-русски, чего ты не хочешь?

¹³Я не хочу читать твое дурацкое стихотворение на твоем дурацком русском!

Ирина. Да. И что? Я не на помойке себя нашла. Мужчина должен соответствовать моему уровню.

Роман усмехается.

Ирина. Или я, по-твоему, некрасивая?

Роман. Ты – красивая, Ирина. Очень красивая.

У Романа звонит телефон.

Роман. Да, алло. Отлично, сейчас выйду, встречу.

Ирина. Кто это?

Роман. Катя.

Ирина. Что? Зачем?

Роман. Она тоже его дочь.

Ирина. Приёмная дочь.

Роман. Пусть так. Он её удочерил. По документам она имеет точно такие же права на наследство, как ты, Настя или Миша.

Слышно, как к дому подъехала машина.

Ирина. Она приезжала на похороны?

Роман. Да. Ты не хочешь её видеть?

Ирина. Почему, хочу... Конечно, хочу. Просто... ты ничего не сказал...

Роман выходит за дверь. Слышно, как хлопают дверцы машины и багажника, затем раздаётся радостный женский голос. В дом входит Катя. Ей чуть больше тридцати. В её волосах явственно виднеется седина, но при этом она одета в какое-то тинейджерское пёстрое платье и кроссовки. Следом за Катей в дом входит Роман, несёт в руках Катину сумку.

Катя. Мамочка! Почему ты не позвонила мне из Москвы?

Ирина. Ты знаешь, какой у меня роуминг?

Катя. Просто... Мы могли бы лететь вместе.

Ирина. Была короткая пересадка.

Катя. Ты похорошела. Дай обниму!

Катя обнимает мать. Ирина отстраняется от неё.

Ирина. Сядь. Устала с дороги?

Катя. Миша! Как ты вырос! Господи!

Катя пытается обнять Майка. Майк вырывается.

Майк. I'mMike! I'mMike! I'mnotMisha!¹⁴

Катя. Mam, a он совсем не говорит по-русски?

Ирина. Почему же? Он говорит. Просто немного растерялся в непривычной обстановке.

Катя. Я так рада вас видеть!

Ирина. Вообще-то повод для встречи у нас далеко не радостный...

Пауза.

Катя. Да. Похороны прошли хорошо. Ну, если так можно сказать про похороны... Было много людей, дядя Рома с Зиной всё организовали.

Ирина. Не знаю, кто такая Зина.

Катя. Mam, всё не так, как ты думаешь.

Ирина. А ты у нас самая умная, да? Ты всё про всех понимаешь?

Катя. Ладно, давай не будем?

Ирина. Имя-то какое! Зина! Как будто ей лет семьдесят! Зина!

Катя. А где Настя? Она приехала?

Ирина. Наверху твоя Настя.

Катя. Она-то, надеюсь, ещё говорит по-русски?

Ирина. Да что вы всё привязались со своим русским? Вы в курсе вообще, что такое детский стресс? Мы почти сутки добирались сюда, ребёнок устал, его чуть не вырвало в самолёте, у него джет лег!

Катя. Я не знаю, что такое джет лег, но я не это имела в виду, мама...

Ирина. Но нет же – надо указать на то, что он не умеет говорить на иностранном языке! Да, не смотри на меня так, ему было четыре года, когда я увезла его. В таком возрасте ребёнок ещё не может говорить сразу на двух языках! Для него русский – иностранный!!!

Катя. Хорошо, мама. Хорошо. Я поднимусь.

Катя встает, берёт в руки свою сумку.

¹⁴ Я – Майк! Майк! Не Миша!

Роман. *(Забирая у Кати сумку)* Я помогу.

Ирина. Где ты собралась жить? В твоей бывшей комнате Настя.

Роман. Могу уступить тебе свою.

Катя. Нет, не нужно. Я буду жить в комнате Наташи.

Ирина. Там пылица. Надо сказать Зине – она уберёт.

Катя. Ты же не знаешь, кто такая Зина.

Ирина. Ну, я так поняла, она здесь что-то вроде домработницы?

Катя. Нет, мама, ты неправильно поняла. Она здесь что-то вроде вдовы.

Ирина. Замолчи! Я – официальная вдова! Ясно тебе?

Катя молча поднимается наверх. Роман подхватывает Катину сумку, идёт следом.

Ирина закуривает, наблюдает за тем, как Майк играет с самолетиком.

Ирина. You tired? You want to sleep?¹⁵

Майк. No. I saw a girl today. Can I play with her tomorrow? Is it okay I'm not speaking Russian?¹⁶

Ирина. A girl? What girl?¹⁷

Майк. Just a girl. She had blue hair pins.¹⁸

Ирина. What girl? Where? Here? Maybe you dreamed her? Or imagined her? Mike, what girl?¹⁹

Майк. What's wrong with you, mom? It was just a regular girl. She was playing by the house, behind the gate. I saw her from the window. Mom, what's the matter?²⁰

Ирина. No. Nothing, son. Okay, let's take a bath and go to bed. ²¹

Майк. I don't want to!²²

Ирина. Oh, yes you do! You have jet lag! You can't help but want to!²³

Майк. But I still don't want to.²⁴

Ирина. That's your problem. Come on! We're going to bed!²⁵

Ирина хватается за руку упирающегося Майка, тянет его вверх по лестнице.

3.

Ночь. Ирина спускается по лестнице в гостиную в шелковой пижаме, курит, приглушенно говорит с кем-то по телефону.

Ирина. Fucking jet lat! It's four o'clock and I'm already awake! Chirs, can you hear me? Hello! We'll come soon. We'll sell the house and... I don't know how long it will take! Probably not much. Chris? Did you go to school about Stacy's homework?No? Go please, it's important! I miss you too. Kisses. Don't eat frozen pizza for dinner, have one delivered. Love you.²⁶

В гостиную выходит Зина. Она в ночной рубашке.

Зинаида. Не спится вам? Я слышу, вторую ночь уже ходите... Может, вам на ночь чего попить?

Ирина не обращает на Зину внимания.

¹⁵Ты устал? Хочешь спать?

¹⁶Нет. Я сегодня видел девочку. Можно мне будет завтра с ней поиграть? Это ничего, что я не говорю по-русски?

¹⁷Какую? Какую девочку?

¹⁸Обычную. У неё были голубые заколочки.

¹⁹Какую девочку? Где? Здесь? Она тебе приснилась? Привиделась? Майк, какую девочку?

²⁰Мама, ты чего? Это была обычная девочка. Она играла возле дома, за воротами. Я видел её из окна. Мама, что-то случилось?

²¹Нет. Ничего, сынок. Сейчас мы с тобой уоемся и ляжем спать.

²²Я не хочу!

²³Нет, ты хочешь! У тебя джет лег! Ты не можешь не хотеть!

²⁴Но я не хочу.

²⁵Это твои проблемы. Собирайся! Мы идем спать!

²⁶Грёбаный джет лег! Я проснулась в четыре утра! Крис, ты меня хорошо слышишь? Алло! Мы скоро приедем. Продадим дом и... Я не знаю, сколько это продлится! Наверное, не очень долго. Крис? Ты сходил в школу насчёт заданий для Стэйси? Нет? Съезди к ним, пожалуйста, это очень важно! Я тоже по тебе скучаю. Целую. Не покупай замороженную пиццу на ужин, лучше закажи еду на дом. Люблю тебя!

Зинаида. У нас тут холодно бывает по ночам. Сквозняки. Илью Петровича тоже продуло после операции, вот и воспаление потом...

Пауза. Ирина пьёт воду, затем полощет рот.

Зинаида. Мне тут тоже неловко, как вы приехали. Но я вам не враг. Я вас очень даже по-человечески понимаю.

Ирина. Не надо меня понимать! Не надо ничего понимать! Просто исчезните! Сделайте вид, что вас никогда в этом доме не было! Соберите свои вещи и убирайтесь – откуда вы там приехали? Из какой деревни?

Зинаида. Из Новочеркаска я. Не из деревни. Вы на меня не кричите, я не служанка вам!

Ирина. А кто?! Вы же в сиделки к нему нанимались изначально?!

Зинаида. Не в сиделки, а в медсестры! У меня среднее медицинское образование имеется! Я не прислуга, я – дипломированный медработник вообще-то!

Ирина. Надо же! Дипломированный медработник! Долго учились выговаривать?

Зинаида. Да как вы...?

За окном гремит гром, начинается ливень.

Зина и Ирина. *(Почти хором)* Тазы!

Ирина. Где они?

Зина. Да там же, где всегда, в чулане...

Ирина и Зинаида бегают, суетятся, расставляют тазы по местам, хорошо им известным, по всей видимости. И действительно, через какое-то время в тазы с потолка начинает капать вода.

Ирина. А на втором этаже? В Наташиной комнате, я помню, дыра...

Зинаида. На втором этаже я их и не убираю давно... Вот туда ещё, где кашпо...

Ирина. А тут не было...

Зинаида. Недавно протекать стало... Лемех весь прогнил. Тогда ж делали, никто ведь не знал, что оно без ремонта жить будет. Я бы сама тут не осталась ни минуты. Но долг у меня есть.

Ирина. Какой ещё долг?

Зинаида. Илье Петровичу я обещалась. Всё музею передать. Рукописи, одежду, стол, фотографии, покрывала – всё в музей. А дом они сами купят. Ему мэр перед смертью обещал. Всё в музей заберут, а дом купят.

Ирина. Кто купит?

Зинаида. Они. Из правительсва, значит, купят. Мэр приходил во вторник, а умер Илья Петрович в субботу. Мэр сказал – поправляйтесь, а Илья Петрович ему сказал: «Это как Бог даст, но если не даст, то вы тут музей сооробозите». Мэр сказал – сооробозим. Сам сказал. Письма, фотографии, рукописи, книги – это музей на своё обеспечение возьмёт, а дом мы придём и купим.

Ирина. Когда они должны прийти?

Зинаида. Да я вот жду... Вот уже должны прийти, раз сказали. Как придут, так я сразу соберусь да поеду. Мне чужого не надо. Передам музею вещи, как обещалась, и поеду. У меня в Новочеркасске тётка есть, у тётки сын, я не одинокая. Вот сюда ещё ставьте.

Ирина. Хорошо, Зина. А давайте, знаете как поступим? Я сама передам музею все вещи Ильи. Сама продам дом. Двигайте левее! А вы поезжайте. Прямо завтра собирайтесь и поезжайте. Тётка, наверное, заждалась? Купить вам билет по интернету?

Зинаида. Не могу, Ирина, вы уж извините. Раз обещалась, надо выполнять.

Ирина. Ну, о чём вам переживать, сами подумайте? Неужели вы думаете, что вы в таких вещах лучше разбираетесь, чем, к примеру, я – человек с двумя высшими образованиями?

Зинаида. А вас Илья Петрович не велел к рукописям подпускать. Вы его предали, бросили больного, улетели якобы в отпуск с детьми, а вас там, оказывается, любовник ждал... Улетели и не вернулись. И детей увезли. Четыре года ни слуху, ни духу. Он вас ненавидел, Ирина. Имени вашего слышать не мог.

Пауза.

Ирина. Почему же он тогда не развёлся со мной? Почему разрешение на выезд детям подписал? Сюда ещё!

Зинаида. А вы не знаете?

Ирина. Нет. Не знаю.

Зинаида. Всё вы знаете! Про его операции, про осложнения на сердце! Катя вам много раз об этом писала! Просила вас ему позвонить! Хотя бы детей по скайпу показать! Когда ему было заниматься разводом? Он почти не вылезал из больниц! А вам было сложно просто взять и набрать его номер...

Ирина. Какая вы доверчивая, Зина. Просто с ума сойти! Где таких делают? В Новочеркасске, да?

Зинаида. При чём здесь я?

Ирина. А при том, Зина, что эта история стара как мир. Разыгрывается она просто. Я – злая, бесчестная жена, я не любила своего мужа, наставляла ему рога, запрещала видеться с детьми. Он – обманутый несчастный супруг. Талантливый писатель. Голос нации. Израненный герой. Вы – молодая пламенная любовница, которая своей добротой и заботой растопила заледеневшее от горя и печалей сердце моего мужа. Сколько вам лет? Сорок пять?

Зинаида. Тридцать восемь.

Ирина. Извините, я думала, вы постарше. Но всё равно, Зина, в вашем возрасте стыдно быть такой глупой и наивной.

Зинаида. Я не глупая! Не надо меня оскорблять! Всё так и было! Этому есть подтверждения – Катины вам письма, ваше молчание...

Ирина. Да не было всё так!!! Не было!!! Мой покойный муж был тираном, психопатом и бабником!

Зинаида. Со мной он не был тираном...

Пауза.

Ирина. Вы – дура, Зина. Вы просто дура. Вы всерьёз думаете, что он вас любил? Вас? Дебелую бабу из Новочеркасска? Да ему просто некуда было деваться. Он знал, что умирает. И нужна была очередная дуреха, которая будет бегать вокруг него, варить бульончики и заглядывать в рот. Раньше таких дурёх он находил в своих кругах. А тут понял, что приплыл. Ужасный характер, алкоголизм, желчный пузырь удалён, кишечника почти нет, пахнет от него дурно, озлоблен на весь мир за то, что Нобелевку ему не дали, президент ему орден не вручил и ещё сто пятьдесят пунктов из старых заплесневевших обид... Кому он такой был нужен? Только вам, Зина. Только вам. Тридцативосьмилетней Персефоне из Новочеркасска.

Зинаида. Сама вы Персефона! Сквозь рубаху насквозь все видно, а только было бы на что смотреть!

Новый раскат грома. Ирина истерично хохочет, задирает на себе рубашку.

Ирина. А вот так есть на что? Есть?

Зинаида. Стыдоба! Мать, называется!

Ирина смеётся.

Ирина. Да, я мать! Мать! У меня, в отличие от некоторых, дети есть! Вот этой грудью их выкормила! А у тебя дети есть? Нету? А где потеряла? Бог не дал? Пустоцвет, что ли?

Зинаида убегает вверх по лестнице. Ирина продолжает истерически смеяться. Из комнаты выбегает заспанная Катя. Подбегает к матери.

Катя. Мама! Мамочка! Что случилось?

Ирина. Пусть она уедет! Пусть собирает свои манатки и валит в свой Новочеркасск! Чтобы утром ноги её здесь не было! Ты слышишь меня?

Катя. Мама, ну сама подумай – куда она поедет? У неё никого нет. Ты представляешь, никого? Мужа убили, детей не случилось...

Ирина. Мне плевать. Плевать. Пусть едет, откуда явилась.

Катя. Ну, есть же завещание в конце концов, нельзя же её так просто...

Ирина. Какое ещё завещание?

Катя. Разве ты не знала? Илья Петрович завещал Зине все свои вещи, ну и вот это вот всё. Это называется вроде бы предметами старины, да?

Ирина. Сука! Ненавижу его! Ненавижу!

Катя. Мама, это всего лишь вещи.

Ирина. Ты знаешь, сколько стоят эти вещи?

Катя. Мама, я не знаю, но и Зина здесь ни при чём!

Ирина. А вы налетели, как коршуны! Моё! Моё! Моё! Я здесь прожила пятнадцать лет! Пятнадцать грёбаных лет! Я родила ему двоих детей!

Катя делает несколько глубоких вдохов, поочередно загибает пальцы.

Ирина. Что ты делаешь?

Катя. Ты давишь на меня. Ты сейчас мной манипулируешь. Вдох на шесть, выдох на одиннадцать.

Ирина. Ты с ума сошла?

Катя. Это дыхательное упражнение. Мой психиатр научил.

Ирина. А! Опять изображаешь из себя сумасшедшую.

Катя. Я не сумасшедшая. Ты знаешь, из-за чего я попала в больницу. Из-за чего я там пролежала почти год. Вдох на шесть...

Ирина. Не надо про больницу.

Катя. Ты была в России, ты приезжала за документами, я знаю... И ты знала, что я в Москве, что я лежу в психушке, что мне там плохо...

Ирина. Хватит! Ты, кажется, мне обещала! Ни слова про твою больницу! Я не хочу ничего знать!

Катя. По вечерам в палате начиналось оживление. Каждые пять минут кого-то вызывали – к кому-то приходили родственники, к кому-то друзья.

Ирина. Ты обещала!

Катя. Даже к шизофреничке Вале, которая ходила под себя и никого уже не узнавала, приходила мама. Ей было плевать, что Валя выплёвывает еду, которую та ей приносила, плевать, что Валя называет её другим именем и кричит ей в лицо проклятья. Она только крестила дочь и шептала: «Я тебя всё равно люблю, доченька, потерпи, ты скоро поправишься!». А я в это время стояла в палате напротив и ковыряла обои. Даже в окно я не смотрела. Мне незачем было смотреть. Ко мне никто никогда не приходил.

Ирина. Послушай, тебе тридцать один год. Ты – взрослая девочка. Я – твоя мать, да, но я не обязана тянуть тебя до пенсии. Есть Миша, есть Настя. Они – дети, я несу за них ответственность. Когда ты была ребёнком, я растила тебя. Да, воспитывала, как умела, но ты росла не хуже других. Или ты хочешь сказать, что у тебя было плохое детство?

Катя. Оно было, мягко говоря, странным, мама.

Ирина. Всё! Давай закроем эту тему! Ты зомбирована своими психологами! Вот и американцы тоже носятся со своими детскими обидами, у них в кого не плюнь, у всех психотравма! Ах, когда мне было пять лет, я нарисовал рисунок, мама меня не похвалила, и с тех пор я стал нелюдимым куском дерьма, и у меня не ладится с женщинами! Пожалейте меня, несчастного!

Катя. Я к тебе не имею никаких претензий.

Ирина. Да! Я только что слышала. Вдох на шесть, мой психиатр мне посоветовал... А ты вообще хоть что-то знаешь о моей жизни? О том, как я получала этот чёртов вид на жительство? Как нас чуть не выслали из страны? Ты знаешь, что я до сих пор пью валиум после всего, что...?

Катя. А я до сих пор пью фенозепам! Это одно и тоже, мама! Только звучит красивей! Ты знаешь, что я восемь месяцев пролежала в психушке! Что я потеряла Наташу...

Ирина. Ни слова о Наташе! Ни слова! Если ты заговоришь, то я... Я не знаю! Мы поссоримся! Я не скажу тебе больше ни слова!

Катя. Но почему? Почему, мама?

Ирина. Потому что... Потому что... Это на фейсбуке у меня все хорошо! Ты думаешь, хоть кто-то помог мне хоть копейкой в этой стране? Да хрен там! Они только делают вид, что у них рай на земле. Нет, если ты – кубинец, или мексиканец, или ещё какой черт с горы – то да! Расскажи им, как тебя угнетали, и у тебя всё ок! Но я – русская. Все рассказы о том, что меня угнетали перманентно, у них не канают, они там у себя уже привыкли, что русских всегда угнетают. Они, знаешь, смотрят на тебя, кивают и улыбаются. Ты им рассказываешь о том, как тебя муж и страна насильничали, как ты чуть не умер, а они смотрят такие, кивают и говорят: «Oh! That's horrible!»²⁷. И никакого тебе пособия! Другая нация! Доченька, ты понимаешь меня?

Катя. Что ты сказала?

Ирина. Я сказала – доченька, ты меня понимаешь?

Катя. Мама... Mamochka... Я тебя понимаю... Конечно, я тебя понимаю... Mamochka...

Катя обнимает мать.

Катя. Mamochka, mamochka, не переживай, пожалуйста. Тут нужно время. Всё у тебя наладится. Хочешь, я тебе отдам свою долю в доме? Мне она не нужна. Правда, не нужна. Я сейчас в студии работаю, мне знаешь, сколько платят? Меня вообще сейчас ведущим специалистом сделать хотят. Мне зарплату обещают под сотню... Давай, я всё тебе отдам?

Ирина. Это ты сама смотри. Сама смотри...

Ирина обнимает дочь.

Катя. Надо поспать. Нам всем нужно поспать.

²⁷ О! Это так ужасно!

Раннее утро. Ирина с Катей и Настей сидят в кабинете. Перед ними пять небольших картонных коробок. В коробках аккуратно лежат толстые школьные тетради. Все трое разбирают тетради, вчитываются в истрепанные страницы.

Ирина. Чего? Какой ещё ковчег?

Катя забирает тетрадь у Ирины, читает.

Катя. Ночлег.

Ирина. Ужасный почерк...

Настя. О, я нашла agreement²⁸ с издательством за девяносто третий год! Надо?

Ирина. Отложи в сторону. *(Вчитывается в какую-то рукопись)* Всё-таки, что бы эти суки не говорили, он ни разу не устарел. Вот ни капельки. Надо будет найти в Америке какого-нибудь хорошего слависта-переводчика...

Катя. Ой, смотри какая фотка! В записной книжке лежала!

Настя. *(Смотрит)* Мама, это ты?! Oh my God!

Ирина. Да, можешь не верить, но я тоже была молодой.

Настя. Это какой год?

Ирина. Это? Девяносто седьмой, наверное. Мы с твоим папой тут только-только познакомились.

Настя. Что на тебе за обувь?

Ирина. Это ботфорты, доченька.

Настя. А почему ты раскрашена, как nativeamerican²⁹? Был какой-то хolidэй?

Катя. Настя, это было модно...

Настя. Это?! Модно?!

Ирина. Девочка моя, ты ничего не понимаешь в красоте.

Катя. В перламутровых тенях и помаде «Руби Роуз»!

Ирина и Катя хохочут.

Настя. Да идите вы!

Ирина. Надо будет найти ещё фотографии...

Катя. У Ильи Петровича в компьютере было много... В папке «Жизнь».

Ирина. *(Кате)* А Зина знает его пароль от компьютера? Я не могу туда войти.

Катя. Спроси у неё.

Ирина. Я?! Да ни за что!

Катя. Тебе она скажет, ты – вдова.

Ирина. Мерзкая баба. Надо найти хорошего юриста. Чтобы оспорить завещание. Ты не знаешь никого в своей Москве?

Катя. Хороший юрист стоит денег.

Ирина. Ты же говорила, у тебя зарплата.

Катя. Ну, если хочешь, я могу спрашивать, у меня там есть знакомые...

Ирина. Поспрашивай. Было бы обидно отдавать всё это новочеркасской бабище... Не для неё он всё-таки писал.

Катя. А тебе это зачем?

Ирина. Ну, для истории. Не знаю зачем конкретно, а всё-таки я жена.

Настя. Мама, смотри, тут комиксы...

Ирина. Не комиксы, а рисунки. Что там?

Ирина забирает тетрадь у дочери.

Ирина. *(Смотрит в тетрадь)* Какой позор!

Катя заглядывает в тетрадь. Ирина мнет листы.

Катя. Мама, перестань! Отдай! Отдай!

Катя яростно вырывает тетрадь у матери, та не отдает.

Настя. Вы совсем крэйзи?

Катя. Отдай! Ты не имеешь права!

Ирина. Я это уничтожу! Ты что, хочешь, чтобы всё это в музее...? Вот эта гадость?

Катя. Это не гадость, перестань!

Ирина. А что это? Высокое искусство в стиле ню?

Катя. *(Наконец вырывает тетрадь)* Ты не имеешь права! Тебе это не принадлежит!

Ирина. Ещё как принадлежит! Я – вдова! Тут всё принадлежит мне, его законной жене. Жене и детям!

Катя. Я тоже его дочь! Законная! Он меня удочерил!

Ирина. Законней не бывает...

²⁸ Договор

²⁹ Коренной американец, индеец.

Катя кидается на Ирину, валит её на пол.

Катя. Ненавижу тебя, ненавижу!

Настя. Если вы не прекратите, я позвоню в полицию!

В гостиную входит Олег.

Олег. Полиция прибыла. Вызывали?

Ирина вскакивает с пола.

Ирина. Как вы сюда попали?

Олег. Мне открыла женщина такая. Удивительно похожа на мою мать.
(Осматривает дом) А ничего себе так.

Ирина. Кто вы?

Олег. Здравствуйте, Ирина Алексеевна.

Ирина. Я-то Ирина Алексеевна, а вы кто?

Олег. А я – бедный ваш родственник. (Насте) А ты – Настёна, да?

Настя. Настя...

Олег. Ну, здравствуй что ли, сестрёнка...

Катя. Олег?!

Олег. Олег, Олег, он самый. А ты Екатерина, что ли?

Катя. Тебя и не узнать!

Олег. Ну, ваша семья меня никогда знать особо не хотела. Даже когда я был ещё ничего себе маленьким мальчиком.

Ирина. А вы... А ты приехал...?

Олег. Да, я приехал. Помянуть отца, посидеть по-родственному, вступить в законные наследственные права...

Ирина. То есть как?

Олег. А вот так. Я – наследник первой очереди, законный сын Ильи Петровича от первого брака. Или вы что думали, я свою долю вам за ничего себе так уступлю?

Ирина. А наследства-то особенного и не предвидится. Дом переходит в пользование городского музея по завещанию самого Ильи Петровича, ну и рукописи да и всё остальное тоже...

Олег. А можно взглянуть на завещание?

Ирина. Завещания как такого нет, это было, можно сказать, устное пожелание моего мужа.

Олег. А вы прямо его слышали? У постели сидели, когда он умирал, за руку держали, да?

Ирина. Не совсем так... Но я это точно знаю.

Олег. Ну, зачем вы врёте, Ирина Алексеевна? У меня тоже есть фэйсбук, я вам даже лайки ставил, не помните? Вы последние четыре года живёте в Америке, в городе Чикаго. Отличный выбор. Озеро Мичиган под боком. Оно, правда, говорят, мёртвое? Ну, вроде того, что рыба там давно уже не водится. Не знаете, нет? Мне вот интересно – врут по телеку всё или правда мёртвое. Так что не смешите, Ирина Алексеевна, какое там устное пожелание, мало ли что привиделось старику перед смертью. Что вы на меня волком смотрите, не переживайте вы так – разделим все по закону, поровну между всеми наследниками. Сколько их, кстати?

Катя. С вами – шестеро.

Олег. Ого! А чего так много?

Катя. Четверо его детей, мама и Зина.

Олег. А ху из Зина?

Катя. Женщина, похожая на твою мать.

Ирина. Любовница твоего отца.

Олег. И она тоже в доле?

Катя. На неё есть завещание. Отец завещал ей всю мебель, картины, антиквариат. Ну, в общем всё, что делало наш дом волшебным.

Олег. Беру свои слова назад. Эта женщина не похожа на мою мать. То есть завещание составлено только на эту Зину и на обмундирование дома? А на сам дом завещания нет?

Катя. Нет.

Олег. Значит, будем делить на пять частей.

Ирина. Ну, четыре пятых дома – мои.

Олег. В смысле?

Ирина. Настя и Майк ещё несовершеннолетние, а Катя отказывается от своей доли в мою пользу. Так ведь, доченька?

Молчание.

Ирина. Катя, я не слышу ответа.
Молчание.
Ирина. Катя, так что?
Катя. Да, мама.
Ирина. Олег, а ты помнишь Катю?
Олег. Ну, конечно.
Ирина. Сколько ей тогда было, когда ты у нас гостил? Четырнадцать?
Олег. Вроде того...
Ирина. Правда, красавица она у меня выросла? Она родилась вся в кудряшках. Другие дети лысые, сморщенные, а моя, как ангел. Я, помню, когда родила её, лежу в палате и плачу, заходит медсестра, говорит: «Ты чего ревёшь?». «Я сегодня ангела родила, – говорю ей, – как мне теперь с этим жить?».
Катя. *(Радостно смеется)* Мамочка.... Ну не придумывай....
Ирина. Я не придумываю. Всё так и было. Кстати, что там Зина говорит – из администрации не звонили, нет?
Катя. Нет.
Ирина. Я сама им позвоню. Возьмёшь у Зины телефон? Раз обещали купить дом, пусть покупают, пусть держат слово.
Олег. Значит, всё-таки обещали купить? За деньги?
Ирина. Ну что ты придираешься к словам? Тебе рассказать, как мы тут жили, через что нам пришлось пройти в этом доме?!!
В комнату вбегает Майк. Олег хватает Майка на руки, кружит его.
Олег. А это кто у нас тут такой? Михайло? Здорово, брателло, как жизнь?
Майк. Sorry. I don't speak Russian.³⁰
Олег. *(Опускает Майка)* А он совсем...?
Ирина. Совсем. И закроем эту тему.
Олег. За что же вы так с парнем?
Ирина. Настя, сколько времени?
Настя. *(Смотрит в телефоне)* Десять после девяти.
Ирина. Надо говорить десять минут десятого.
Настя. Ок.
Ирина. Все, друзья, вы как хотите, а мне нужно кормить детей. В Америке мы завтракаем в семь.
Катя. Тебе помочь приготовить, мамочка?
Настя. Там Зина напекла панкейков.
Ирина. Нужно говорить оладей.
Катя. Ок.
Ирина. Что она вообще о себе думает? А может быть, мои дети не едят панкейки?
Настя. Ты хотела сказать, оладьи?
Ирина. Какая к чёрту разница?
Настя. Вот и я думаю...
Ирина. Она что считает, что самая умная здесь?! Если она решила добровольно исполнять роль прислуги, то могла бы посоветоваться насчёт завтрака с хозяйкой, то есть со мной.
Катя. Мамочка, мамочка... Она же просто хочет помочь!
Ирина. А мы не нуждаемся в её помощи! Mike, come on! Мы не притронемся к её оладьям. У детей есть молоко, и есть хлопья, есть сухая овсянка, есть яйца. Они так привыкли. У Майка большой желудок в конце концов...
Ирина, Настя и Майк уходят. Катя с Олегом остаются один на один.
Олег. Ну а ты?
Катя. Что я?
Олег. Как вообще живешь?
Катя. Нормально. Перебралась вот в Москву, работаю дизайнером.
Олег. Я тебя не смог найти в соцсетях.
Катя. Искал?
Олег. Искал. Интересно же. Всё-таки, не чужие люди.
Катя. Меня там нет. Я не очень социальный человек.
Олег. И как в Москве?

³⁰ Извините, я не говорю по-русски.

Катя. Хорошо. Очень шумно. Но хорошо. Я уже привыкла.
Олег. Снимаешь там?
Катя. Да.
Олег. А где?
Катя. Ты, наверное, не знаешь.
Олег. Далеко от центра?
Катя. Сорок минут на метро до Красной площади.
Олег. По вашим столичным меркам, наверное, это ещё ничего себе?
Катя. Да. Хороший район. Квартира хорошая. Нормально. А ты всё также? В Самаре?
Олег. Ну да.
Катя. А где?
Олег. Да в охране.
Катя. Мы тебя искали. Ещё раньше, тогда. Звонили. Хотели сообщить... Ну, в общем, не нашли.

Олег. Да я там пропал малёху по своим делам. Я знаю, да... Сколько ей было?

Катя. Девять.

Олег. А что случилось?

Катя. Пошла купаться с подружками на реку. А там поблизости размыло скотомогильник. Она порезалась, пошла инфекция. Начала прихрамывать. Но она же у нас занималась балетом, мы не придали значения, думали, растянула ногу где-то. А потом, когда уже парализовало, повезли в областную, и там сказали, что... заражение уже пошло в кость. Ну, в общем, через две недели Наташи с нами не стало.

Олег притягивает к себе Катю, обнимает её, гладит по плечам. Наконец Катя отстраняется от Олега, вытирает слезы.

Олег. Ты как?

Катя. Всё нормально. Нормально, правда.

Олег. Это я дурак, полез с расспросами.

Катя. Нет, правда, нормально. Не обращай внимания, я уже нормально.

Олег. Нормально, точно?

Катя. Да, нормально.

Олег. Прямо нормально-нормально?

Катя улыбается.

Катя. Нормально-нормально.

Олег. Ты такая красавица стала, Катюха.

Катя. Я? Да какая там красавица...

Олег. Правда-правда. Ты и раньше ничего себе была. Как там тебя все в детстве звали? По названию ящерицы? Саламандра, да?

Катя. Ага.

Олег. А почему – напомни?

Катя. Глаза зелёные, и в заднице моторчик.

Олег. Точно! Был моторчик! Я помню!

Олег и Катя смеются.

Катя. Прозвище от мамы по наследству перешло. Её тоже в детстве Саламандрой звали.

Олег. *(Кивает на коробки)* А это что? Папины рукописи?

Катя. Вроде того.

Олег берёт одну из тетрадей.

Олег. *(Вчитывается в написанное)* Как это понять? Они вошли в могилу?

Катя. *(Смотрит через плечо Олега)* Во мглу.

Олег. Ты понимаешь его почерк?

Катя. Немного. Когда я была... Ну, до всего этого, я хотела сказать... В общем, когда мы все были ещё семьей, я иногда перепечатывала его рукописи.

Олег. Хотел тебя спросить... Ну, это так, между нами... Он обо мне что-нибудь говорил? Может, спрашивал чего?

Пауза.

Олег. Ну так, типа – а чё там с сыном вообще?

Катя. Конечно, спрашивал. Ты же его сын.

Олег. А что конкретно?

Пауза.

Катя. Разное.... Олег, я не помню.

Олег. Дачу ему мою на фэйсбуке не показывали, нет?

Катя. Какую дачу?
 Олег. Ну, мою. Я же дачу построил. Ничего себе такую, в два этажа. Шас, правда, бывшая моя её отсудила. Но я её обратно заберу, там железные аргументы за меня. Я же и про наследство-то чё вспомнил, мне там денег на нормального адвоката не хватает. А дача – вообще сказка! Пятнадцать соток на берегу Волги, мангал, баня, то-сё... Приглашу тебя как-нибудь, посмотришь. Значит, спрашивал, говоришь? А чё ещё спрашивал? Про внука чё, не? У меня же пацан растёт, Гордеем звать, шас дела свои порешаю и у бывшей отсужу его.
 Катя. Пойдём завтракать?
 Олег. Ну, пойдём, если матушка твоя меня не прогонит.
 Катя. Ты что?! Мама – она же очень добрая! Ты не обращай внимания, она нервная сейчас из-за всех этих дел...
 Олег. Да я уже сталкивался с её добротой когда-то...
 Катя. Слушай, это было сказано в истерике. Я уверена, что она так не думала. Никто никогда не сомневался, что ты – сын Ильи Петровича.
 Олег. Да ладно, проехали... Саламандра, а давай напьемся сегодня вечером?
 Катя. Я вообще-то принимаю таблетки, мне алкоголь не очень можно...
 Олег. Да ладно, забей.
 Катя. Ну, давай...
 Олег. Вот! Узнаю Саламандру!

5.

Катя и Олег заходят в столовую. В столовой сидят Ирина, Настя, Майк и Роман. Зинаида суетится вокруг стола – то достанет сметану из холодильника, то уберет в холодильник колбасу. Ирина демонстративно не замечает Зинаиду. Майкуплетаетолады.

Ирина. (*Майку*) Do you really like those?³¹

Майк. Yeah, mom, they're really good.³²

Ирина. Are you sure about that?³³

Майк. Cross my heart, mom.³⁴

Зинаида. Кушай, кушай, Мишенька. Если надо, я ещё спеку. Варенья подкладывай себе.

Майк вопросительно смотрит на Зинаиду. Зинаида пытается жестами объяснить Майку смысл сказанного.

Зинаида. В рот – ам-ам! Вкуснотища! Мням-мям-мям!

Настя смеётся.

Настя. Crazy дом!

Катя. Мама, мы пришли завтракать. Зина, покормишь нас?

Зинаида. Так конечно! Давайте-давайте, вот сюда присаживайтесь!

Олег и Катя садятся.

Катя. Какой Мишка стал большой! Миша, howareyou?

Майк недоверчиво смотрит на сестру.

Майк. I'm not Misha. I'm Mike. I'm fine, thanks.³⁵

Катя. А как у него спросить, в какой класс он ходит?

Ирина. В четвертый начальной школы.

Катя. А спроси у него – он что-нибудь помнит из своей жизни в России?

Ирина. Катя, отстань от него, он ничего не помнит.

Катя. Совсем ничего, да?

Ирина. Совсем. Его осознанная жизнь началась в Америке.

Олег. Ну а ты, Настена? Ты-то ещё не стала американкой?

Настя. Я ещё не натурализованная американка, так как не имею гражданства Америки, но надеюсь его получить.

Олег. Ох ты, какая важная птица! Ну а если в России начнётся война с Америкой, ты за кого пойдёшь воевать – за русских или за американцев?

Настя. I'm sorry. I don't understand you.³⁶

³¹Тебе правда это нравится?

³²Да, мама, это очень вкусно.

³³Ты уверен?

³⁴Да, мама, абсолютно.

³⁵Я – Майк. Не Миша. Я хорошо, спасибо.

Олег. Ну чё ты придуриваешься-то?
 Настя. I don't want to talk about it. Sorry.³⁷
 Олег. Такая маленькая, а уже хамка...
 Ирина. Так, Олег, ты пока находишься в моём доме, и я не позволю так разговаривать с моей дочерью!
 Олег. В нашем доме, вы хотели сказать, Ирина Алексеевна?
 Ирина. А это суд решит – мой он или наш.
 Роман. Ира, а у меня же есть для тебя подарок! Я починил нашу беседку. Перед смертью Ильи просил меня починить, и вот буквально перед твоим приездом я закончил!
 Ирина. Нет уж, давай договоримся. Ты можешь здесь жить до решения суда, но при одном условии – ты живёшь по правилам нашей семьи. Мы все привыкли жить определённым образом, относиться друг к другу уважительно, в нашей семье не принято оскорблять друг друга и никогда не было принято...
 Олег. Да я уже понял, Ирина Алексеевна, что в вашей семье я никто. Вы мне ещё шестнадцать лет назад ясно дали это понять. И убедили в этом отца.
 Ирина. А ты вспомни, как ты себя вёл! Как мы с Ильей тебя пьяного тащили из клуба, как ты нас опозорил на весь город, когда тебя патруль нашёл спящим в городской клумбе!
 Катя. Mamochka, ну зачем ты так? Ведь Олег нам не чужой!
 Олег. Пусть эти сплетни останутся на вашей совести, Ирина Алексеевна.
Майк. Mom, when can I go outside?³⁸
Майк вдруг начинает кашлять – он поперхнулся. Ирина бьёт Майка по спине. Но кашель только усиливается.
 Ирина. Майк, Майк! Are you ok? Да что с тобой?!
Ирина продолжает бить Майка по спине, кашель не стихает.
 Ирина. Рома, помоги!
Роман подсакивает со своего места, вместе с Ириной они по очереди бьют по спине Майка.
 Ирина. Mamochki! Майк, сыночек, давай, кашляй!
 Катя. *(Достает телефон)* Я сейчас позвоню в скорую!
К Майку подходит Зинаида, берёт его за грудки, поднимает Майка и ударяет своей грудью в грудь мальчика. Майк судорожно сглатывает злополучный кусок. Затихает. Зинаида ставит Майка на пол.
 Ирина. Are you satisfied? How many times have I told you – don't talk when you eat! How many times have I said that?!!³⁹
Ирина вцепляется Майку в руку. Майк ревёт.
 Ирина. How many times have I said that? Huh? Why don't you listen to me? How many times have I told you? ⁴⁰
 Роман. Ира, Ира, всё, перестань!
 Настя. Мама, он и так боится! Хватитеговоспитывать!
 Ирина. How many times have I told you?! Huh?! How many times do I have to say it?⁴¹
 Катя. Дядя Рома, уведи её!
Роман пытается увести Ирину.
 Роман. Пошли. Ирочка, всё. Он жив... Жив. Всё. Пошли в комнату.
 Ирина. Принеси мне мою сумку, там таблетки.
 Роман. Где она? Сейчас принесу. Пошли, всё хорошо...
Роман и Ирина уходят.
 Настя. Сумасшедшая.... *(Майку)* What's to cry about? Nothing happened.⁴²
 Зинаида. Я заберу его в свою комнату? У меня там телевизор есть, пускай мультик посмотрит.
 Настя. Go with Zina. She'll put on cartoons for you.⁴³

³⁶ Извините, я не понимаю вас.

³⁷ Я не хочу говорить об этом. Извините.

³⁸ Мама, а когда мне можно будет пойти на улицу?

³⁹ Допрыгался? Я сколько раз говорила тебе – не болтай за едой! Сколько раз я тебе говорила?!

⁴⁰ Сколько раз я тебе говорила? Сколько раз? Ты почему не слушаешься? Сколько раз я тебе говорила?

⁴¹ Сколько раз я тебе говорила?! Сколько раз! Сколько тебе нужно повторять?

⁴² А ты чего ревёшь? Ничего не случилось.

⁴³ Иди с Зиной, она тебе мультики поставит.

Зинаида. Пойдём, Мишенька, я тебе мультик включу, пойдём, мой хороший. Мы завтра в магазин пойдём, я тебе машинку куплю, хочешь?

Зинаида протягивает Майку руку, Майк послушно берет её за руку, они уходят.

Настя. Вот так и живём.

Катя. Тебе нравится жить в Чикаго?

Настя. Да, абсолютно! В сто раз лучше, чем здесь.

Катя. А Крис тебя не обижает?

Настя. Крис?! Ты что! Это же Крис!

Катя. Крис не может обидеть?

Настя. Крис? Нет. Он же wimpr.

Катя. Что это значит?

Настя. Ну, простой, добродушный.... Тюфяк, короче.

Олег. *(Указывает куда-то)* Катя, мне кажется или нет? Здесь висела картина, на которой была нарисована дурацкая такая обезьяна в балетной пачке?

Настя. Мартышка – глупышка.

Катя. Да, висела.

Настя. Папа её продал.

Катя. Она ему напоминала о Наташе.

Олег. Ясно.

Пауза.

Олег. Кстати, а когда у папы сорок дней?

Катя. В пятницу.

Пауза.

Олег. Настя, сестрёнка, ты это, не дуйся на меня...

Настя. Ладно. Ноу проблем.

Катя. А пойдёте в беседку? Посмотрим – что там с ней сделал дядя Рома.

Олег. Кстати, кто такой – этот ваш Рома? Я его не помню.

Катя. Дядя Рома – папин друг. Одиннадцать лет назад у него сгорел дом, и папа его позвал жить к нам. Ну вот, с тех пор он с нами и живёт.

Олег. А чем он занимается?

Настя. Он – тоже писатель.

Олег. Хороший?

Настя с Катей переглядываются, дружно заливаются смехом.

Катя. Ну как тебе сказать...

Настя. Своеобразный.

Катя. У него в романах все главные герои несчастно влюблены и страдают монологами страниц на пятнадцать. А в конце с героем что-нибудь случается, иногда он тонет, иногда его убивают – тут возможны вариации, и на его могиле героиня понимает, кого потеряла, и тоже разражается двадцатистраничным монологом. А в самом финале в небе обязательно появляются голуби, или лебеди, или ещё какие-нибудь твари небесные. И это типа символизирует хэппи-энд и любовь в загробной жизни.

Настя. Ты все его романы читала? *(Олегу)* Я осилила один, и то, потому что мне его читала Катя в качестве наказания за то, что я переименовала все её документы на компе в неприличные слова.

Катя. Я, кстати, до сих пор считаю, что я тебя мало наказала тогда. Это ж надо было постараться ещё додуматься!

Настя. Катя, я очень старалась, правда-правда!

Настя и Катя снова смеются.

Катя. Ну что, идём?

Все трое уходят.

6.

Ночь. За баней на скамейке сидит Олег, рядом с ним стоит бутылка водки. Олег разглядывает скамейку, на которой сидит. Появляется Катя с пакетом в руках. На ней толстовка, кеды и джинсы, отчего она выглядит почти подростком.

Катя. Вот рюмки. И сыр. А колбасы не было.

Олег. Все чисто, сэр?

Катя. Все спят. Я проверила.

Олег. Ну, давай, что ли?

Катя достаёт из пакета рюмки и закуски. Олег разливает водку по рюмкам.

Олег. Первую за отца. Не чокаясь.

Катя и Олег пьют.

Олег. Так-то хороший был мужик. Наверное.

Катя. Да. Он был хороший.

Олег. Жалко, что с мамой моей у них всё так вышло...Я на него злился, когда он нас бросил. Не мог простить из-за всех этих дел. Потом, когда вырос, отпустило. У матери моей тоже характер был не сахар. Она уже лежачая была, а Маринку, мою бывшую, чуть до инфаркта не довела. А по итогу – все в земле лежат, как будто и не было ничего. Всех их жалко, короче.

Катя. Илья Петрович был очень хороший... Как тебе в его комнате, кстати? Нормально устроился?

Олег. Да, нормально. Только Зина эта прицепилась – ничего тут не трогай, тут музей будет. А мне теперь чё, по воздуху, что ли, летать?

Катя. Зина смешная...

Олег. Кстати, я только сейчас допетрил. Я же теперь – круглая сирота, получается.

Катя. Получается, так.

Олег. Люди добрые, пожалейте круглую сиротинушку, подайте копеечку!

Катя смеётся.

Катя. У тебя получается, хоть сейчас на паперть.

Олег. По приютам я скитался... Ну давай.

Олег разливает водку.

Олег. Давай за Ирину Алексеевну? Дай ей бог здоровья. Ну и доброты немного.

Катя. Ты что, мама очень хорошая...

Олег. Да у тебя все хорошие. Давай.

Пьют.

Олег. Саламандра, скажи честно.

Катя. Что?

Олег. Только честно.

Катя. Уговор.

Олег. Я слышал обрывок разговора Ирины Алексеевны с этим Романом.

Катя. И?

Олег. Она хочет попросить за дом у государства шесть лямов.

Катя. И что тут такого?

Олег. Ну... А ты всерьёз считаешь, что за шесть лямов они этот дом купят? Это не слишком как-то, нет?

Катя. Конечно, не слишком. Олег, это же русский деревянный модерн!

Олег. Модерн-шмадрен, это я всё понимаю.... Ну он же, сама понимаешь...

Катя. Это культурное наследие!

Олег. Это я тоже уже слышал. И про его историю, и про купцов Семирязовых... Но только историей щели в стенах не заткнёшь. И плесень мемориальной доской не выведешь.

Катя. Какое государству дело до щелей? Они музей покупают, а не офисное здание!

Олег. Ладно, ладно... Просто я подумал – не отпугнёт ли их сумма? В нашей ситуации лучше хоть какие-то деньги, чем ничего...

Катя. Ты не жил в этом доме. Ты его ценности не понимаешь вообще. Какие щели? Какая плесень? Этот дом – он же как... Как я не знаю... Как часть этого города, его земли, неба...

Пауза.

Олег. Тут на скамейке какие-то надписи. Не знаешь, откуда? Древние письмена?

Пауза.

Катя. Это я писала. В шестнадцать лет.

Олег. Я так и не разобрал.

Катя. Никто никогда не узнает.

Олег. Не узнает чего?

Катя. Так... Ты не обращай внимания на нас.

Олег. То есть сделать вид, что вас не существует?

Катя. Нас и не существует. Давно уже. Мы все умерли пять лет назад.

Олег. Это как-то сложно.

Катя. Это не сложно. Это просто надо понять. Сейчас решится вопрос с домом. И мы разъедемся. И больше никогда не увидимся. Так будет лучше для всех. Мама с детьми

вернётся в свою Америку. Зина уедет в Новочеркасск. Ты – в Самару. Я – в Москву. Дядя Рома уйдёт в монастырь.

Олег. В монастырь?

Катя. Ему некуда больше идти. Просто был такой большой период... Семья. А теперь он закончился. Пять лет назад...

Олег. Это из-за смерти Наташи, да?

Катя. Отчасти. Просто до Наташиной смерти все делали вид. Что мы семья, что мы единое целое, несмотря на... А потом... Ни у кого не стало сил делать вид, и всё то, напускное, что было, развалилось, а под ним оказалась труха. Оказалось, что всё сгнило уже давно, а мы просто не знали об этом и делали вид.

Пауза.

Олег. Да уж. Ну а как у тебя в Москве?

Катя. В Москве? В Москве у меня хорошая зарплата, и в девять вечера я ложусь спать.

Олег. Значит, с личной жизнью не очень?

Катя грустно улыбается.

Олег. Сейчас столько сайтов знакомств... Может, попробуешь, зарегистрируешься?

Катя. Я тебе уже говорила – я не очень социальный человек. Меня пугают соцсети.

Олег. А что в них такого страшного?

Катя. Там нужно рассказывать о себе. А если я начну рассказывать о себе – все мои потенциальные поклонники в ужасе разбегутся.

Олег. Ну, ты напиши в общих чертах... Молодая, красивая, в/о, ч/ю, ищу мужчину для серьёзных отношений...

Катя. А я не ищу. С чего ты взял, что мне кто-то нужен?

Олег. Для здоровья хотя бы. Ты же молодая ещё баба. Женщина, я хотел сказать.

Катя. Зачем мне здоровье?

Олег. Ну как?..

Катя. А вот так. Не переживай за меня, если мне понадобится мужчина, я его найду.

Олег. Найдёшь?

Катя. Найду.

Олег. Уверена?

Катя целует Олега.

Катя. Да.

Олег. Эй! Мы же с тобой практически брат и сестра...

Катя. Неправда. Ты мне не брат. Я не вашей породы. Я – другая.

Целуются.

Олег. Как-то это всё... Давай выпьем?

Катя. Давай.

Олег разливает. Пьют.

Катя. Откуда у тебя татуировка на руке?

Олег. Я ведь сидел, Саламандра.

Катя. Долго?

Олег. Дали четыре. Отсидел два с половиной, вышел по УДО. Жена бывшая меня из тюрьмы дождалась, а как вышел – загуляла. А может, и раньше гуляла, я так и не вкурил. Вот что им, бабам, нужно – не пойму. Дом ей построил. Сына родили.

Катя. А за что сидел?

Олег. Налоги. Замутили с другом дельце одно. Перешли дорогу местному авторитету. Ну и понеслось. А в бизнесе у нас кристально чистых не бывает, ты же знаешь. В итоге другу – шесть, мне – четыре.

Катя. Вас там хотя бы кормили?

Олег смеётся.

Олег. Как видишь – жив. С голоду не помер.

Катя. Я имею в виду, с вами там нормально обращались?

Олег. Тюрьма – есть тюрьма. И в тюрьме есть гниды, а есть нормальные люди.

Катя. Тебя там не били?

Олег. Слушай, Саламандра, хорош! Чё сейчас про это говорить? Отсидел и отсидел...

Катя. Ладно. Извини. Просто мы же ничего не знали... Почему ты нам не написал?

Олег. А чё писать было? Да и кому? Ирине Алексеевне на это дело явно начихать было бы.

Катя. А отец?

Олег. Да что отец... Я так понял, вы тут и без моих проблем не гладко жили.

Катя. Не гладко... Знаешь, когда умерла Наташа – я думала, что это и есть ад. Забрать из морга, похоронить, купить в детском мире белое платье, потом маленький гробик на заказ, выстоять отпевание, высидеть поминки. Я так думала. А настоящий ад начался потом. Когда после похорон Илья Петрович поднялся к себе, лёг, укрылся одеялом с головой и завыл, как сумасшедший старик. А когда через четыре часа он вышел из своей комнаты – он был полностью седой. А потом он принёс из машины ящик водки, который остался с поминок и стал пить. И так он пил и выл, пил и выл, и снова пил... Дядя Рома работал сторожем тогда и стал нас всех кормить. А мы не знали, что делать. Миша бесконечно болел, Настя скатилась на двойки, у неё начались кошмары, ей везде виделась мертвая Наташа. И нам она тоже стала везде видаться. Первой не выдержала мама – раскопала где-то на сайте знакомств этого Криса, схватила детей и уехала. Мы остались втроём. Утром дядя Рома уходил на работу, а мы оставались с Ильёй Петровичем, как загнанные в одну клетку звери. Он пил, а я смотрела, как он пьёт. А один раз взяла и тоже выпила. И мне полегчало. Как-то даже хорошо стало. Какой-то свет в конце тоннеля появился, знаешь. Подумала – можно ведь начать всё сначала. Уехать. Ну, как ты понимаешь, я никуда не уехала... Просто каждое утро просыпалась, выпивала несколько рюмок и начинала думать о том, как уеду. А к вечеру уже уезжать никуда не хотелось. Мы с Ильёй Петровичем ходили на местную барахолку, продавали картины, какие-то ложки, подсвечники... Один раз пожилая женщина подошла ко мне на улице и дала сто рублей. Она сказала: «Я знаю, у вас горе, возьмите». И я взяла. Вот днище-то...

Олег. Бедная ты девчоночка...

Катя. А после этого я пришла домой, нашла мамину аптечку, выпила все таблетки, которые там были, запила их водкой и легла спать. Очнулась в реанимации. Из реанимации меня перевели в психушку. Я там пролежала три месяца, а потом дядя Рома через старых Илью Петровича друзей добился, чтобы меня перевели в Московскую больницу. Вот так я оказалась в Москве. После выписки мне некуда было возвращаться, и я осталась там. Эти старые Илья Петровича друзья устроили меня пожить в общежитие литинститута, пока не найду работу. И я там долго ещё жила... А теперь у меня всё хорошо.

Олег молча разливает водку по рюмкам.

Олег. Давай за тебя? Столько ты всего пережила...

Пьют. Молчание. Катя смотрит перед собой. Взгляд её постепенно становится «стеклянным», как будто она смотрит и не видит.

Катя. Я хочу, чтобы всё стало как прежде. Чтобы Наташа бегала по дому в нами подаренной ей пачке... Чтобы она бегала и кружилась. Бегала и кружилась. А мы бы ей аплодировали.

Олег. Что поделаться... Прошлогоне вернуть. Я тоже в зоне наслушался всякого. Такие трагедии у людей случаются. Так послушаешь и думаешь – вот за что им это все бог послал? Вроде не уроды, не беспредельщики, обычные россияне.

Катя. Я просто хочу, чтобы Наташа кружилась по дому в пачке, а мы бы ей аплодировали. Просто хочу... Чтобы она бегала и кружилась в пачке. Мы подарили ей пачку которую... Просто хочу, чтобы она кружилась...

Олег. Саламандра, ты чего? Тебя переклинило, что ли?

Катя. Просто хочу, чтобы все как прежде... Чтобы Наташа бегала и кружилась по дому... Просто хочу...

Олег. Катя, всё!

Катя. Просто хочу...

Олег. Давай, пошли домой!

Олег тянет Катю за руку.

Катя. Не трогай меня! Я просто хочу...

Олег. Катя, всё, сиделки закончились! Пошли!

Олег пытается сдвинуть Катю с места.

Катя. Не трогай меня! Не трогай! Не трогай!!!

Катя визжит.

Олег. *(Поднимает руки вверх)* Всё, всё, я тебя не трогаю! Пошли в дом!

Катя. Я никуда не пойду! Никуда! Я просто хочу, чтобы всё стало по-старому...

Олег. Да я понял уже!

Катя встаёт, идёт куда-то.

Олег. Ты куда пошла?

Катя. К Наташе.

Олег. Никуда ты не пойдешь!

Катя. Кто сказал?

Олег. Я сказал! Я тебя не пущу!

Катя. А кто ты такой, чтобы здесь командовать? Я просто хочу, чтобы всё было по-старому...

Олег пытается взять Катю на руки и отнести в дом, Катя отбивается, кричит. Во двор выходит Ирина.

Ирина. Что тут у вас происходит?

Олег. Катю клиннуло...

Ирина. Вы пили, что ли?

Олег. Ну, выпили немного...

Ирина. Олег, ну зачем?! Ей же нельзя, она же пьёт лекарства!

Олег. А я откуда знал?!

Ирина. (*Подбегает к Кате*) Доченька, всё! Пошли домой! Пошли, моя хорошая...

Давай, держись за меня...

Ирина обнимает Катю, пытается увести ее.

Катя. Мама, я просто хочу, чтобы всё было по-прежнему...

Ирина. Будет. Будет. Всё будет.

Катя. Мама, ты меня прости...

Ирина. Я тебя прощаю.

Катя. Мама, ты правда прости...

Ирина. Я давно простила.

Катя. Мама, ты знаешь, кто отец Наташи?

Ирина. Я знаю, знаю, пошли.

Катя. Мама, я тебе давно хотела сказать...

Ирина. Не надо, Катя, пошли в дом.

Катя. Мама, я должна сказать, давай я скажу?

Ирина. Я сказала – нет, я не хочу ничего слышать...

Катя. Мама, нет, я скажу, мне надо сказать... Отец Наташи...

Ирина хватает ведро воды, стоящее у бани, и выплескивает его на Катю. Катя от неожиданности начинает шумно глотать воздух, не может отдышаться.

Наконец, она успокаивается, затихает.

Ирина. Пошли домой?

Катя. Пойдем. А где все?

Ирина. Кто – все?

Катя. Кто тут сидел.

Ирина. Все спать ушли. И тебе пора.

Катя. Мамочка, ты меня любишь?

Ирина. Любишь. Пошли.

Ирина, уводя Катю, вдруг оборачивается к Олегу.

Ирина. От одноклассника она родила, дура! В шестнадцать лет! От Виталика! От одноклассника!

Конец первого действия.

Действие второе.

1.

Утро. В столовой за круглым большим столом собрались Зина, Ирина, Настя, Майк и Олег. Завтракают.

Ирина. Илья – он вообще-то лицо этого дебильного города, его гребаные романы – культурное наследие. Да они должны на коленях к нам приползти и уговаривать продать им этот дом! Они не понимают, какие деньги могут потерять!

За окном снова идёт дождь. Потолок начинает протекать. Крупные капли стучат по эмалированным тазам.

Ирина. Сюда туристы автобусами приезжать будут, тоннами их тупую деревянную сувенирку скупать! Что такое шесть миллионов для города? У мэра машина больше стоит!

Олег. (*Смотрит на протекающий потолок*) А если всё же меньше предложат?

Ирина. Категорическое нет! В таком случае забьём окна досками и оставим всё, как есть!

Олег. Оставить как есть всё равно, что подарить дом бомжам. Да он и сам без ухода рухнет лет через пять.

Ирина. Нет, даже если они начнут торговаться.... Хорошо, пять восемьсот... Ну, пять четыреста.... На меньшее мы не согласны. Они что, бесплатно что ли его захотели? Я никому ничего дарить не собираюсь.

В столовую заходит Роман. Все оборачиваются на него. Роман кладёт папку с документами на стол рядом с Ириной.

Ирина. Ну что? Что? Согласны?

Олег. На шесть?

Роман молчит.

Ирина. Предложили меньше? Сколько?

Роман. Мы – удивительно нелюбопытные люди. Даже странно.

Ирина. При чём тут это?

Роман. Мэра посадили. Уже неделю как.

Ирина. Oh, my God! А те, другие, кого ещё не посадили – они что сказали?

Роман. Они сказали – звоните федералам, у нас таких денег нет, мэр нам никаких указаний на этот счёт не давал.

Ирина. Ну, это нормально... Не купит город, купит область, это даже лучше... Тогда можно и за восемь... Завтра поедем в областную администрацию...

Роман. Ира, я позвонил в областную, мне сказали, что знать не знают ни про какого Илью Петровича, ни про его дом. Сказали, это город должен шевелиться.

Олег. *(С силой бьет кулаком по столу)* Вот суки! Зина, а вы точно ничего себе не перепутали? Именно в таком ключе шёл разговор – придут и купят? За государственные деньги?

Зинаида. Да в таком, в этом самом! Илья Петрович и завещание на меня потому и составил, чтобы я лично проследила, чтобы всё в доме осталось, всё музеем отошло... Рукописи, книги... Чтобы я дарственную потом на них, на музейщиков написала. Ему ведь больше не на кого было надеяться.

Ирина. Да, грустно, что под конец жизни у моего мужа так знатно поехала крыша...

Зинаида. У некоторых она едет ещё задолго до смерти.

Ирина. Вам плохо даются каламбуры, Зина, это не ваше.

Зинаида. Зато всё остальное тут мое...

Ирина. О! Началась делёжка имущества! Проснулась Новочеркасская кровь! Зина, вы меня уж простите, пожалуйста, что я из вашей чашечки пью? И за вашим столом сижу? Какая же я дура, не догадалась у вас спросить – можно ли мне вообще к вашему драгоценному имуществу своими грязными руками прикасаться? Идиотка недогадливая! Я же тут и полотенцами вашими вытиралась, и на кровати вашей спала. Простите меня, Зина, умоляю вас слёзно. Простите, нет?

Зинаида. Да я вообще не это имела в виду... Зачем сразу-то.... Пользуйтесь, это всё ваше, кто вам не разрешает, я же не...

Ирина. А мне не нужно ваше разрешение, Зина! А знаете, почему? Потому что я и мои дети – наследники первой очереди! А ваше завещание – бумажка, подтереться и выбросить. Вы тут – никто, Зина. Любой суд аннулирует эту писульку! Что вы на меня так смотрите? Да, мы будем судиться с вами. Я никому ничего дарить не собираюсь! Продам тут всё! Вместе с домом продам! Я найду кому! Что у нас, в конце концов, в стране олигархов мало? Что мы, мецената не найдём?

Зина тихо плачет.

Олег. Ирина Алексеевна, я, конечно, не сомневаюсь, что у нас богатая страна и куда ни плюнь – попадешь в олигарха, но давайте как-то более трезво смотреть на вещи!

Роман. Ирочка, не хочу тебя расстраивать, но эти вещи не так-то просто будет продать... Я смотрел на специальных сайтах, там такого антиквариата много... Стоит он копейки и выглядит лучше нашего. Тут нужен будет хороший реставратор... А книги, их вообще сейчас никто не покупает. Так может быть, действительно, не ввязываться в это? Пусть Зинаида передаст в музей...

Ирина. Значит, предлагаешь ей всё это подарить? Ну, конечно, она же бедная-несчастливая Зина из глухомани, она очень бедно и несчастно живёт. А знаешь, как я живу? Знаешь? Ты что, думаешь, Крис – миллионер?! Нет, он не миллионер, он обычный менеджер! Мы в долгах по уши! Ты что думаешь, эту жизнь в Чикаго мне на блюдечке подарили? Наш дом? Настино образование?! Мишкин этот грёбаный теннис? Ты знаешь, сколько стоит простая медицинская страховка? Бензин? Один раз сходить семьей в зачуханную тайскую забегаловку?

Майк. Зина, оладушки! Мням-мям оладушки! Ещё!

Все замирают.

Зинаида. *(Вытирая слёзы)* Что, миленький? Оладушек тебе ещё? Сейчас подам.
Зинаида вскакивает, несёт тарелку с оладьями, суетится вокруг Майка.
Зинаида. Вот... Сметанку ещё подкладывай... Сметанка! Мням-мям! Вкусно! Вкусно, скажи? Вкусно!
Майк. Вкусно!
Зинаида. Вот молодец, какой хороший мальчик!
Майк. Вкусно! Вкусно! Оладушки мням-мям! Вкусно!
Майк смеётся.
Настя. Wow! Он заговорил по-русски! Скажи ещё что-нибудь? Майк, давай!
Майк. *(Залтом выдает все свои познания в русском языке)* Оладушки, вкусно, бибика, собачка, кашка, магазин!
Все хохочут.
Олег. *(Вдруг резко становится серьёзным)* Нужно продавать дом.
Ирина. Что?
Олег. В любом случае нам нужно продавать дом. Государству или частникам – не имеет значения. Нам всем нужны деньги. Я не прав?
Роман. Вы правы. А всё же жалко. Эти картины, мебель, книги... Он столько лет всё это собирал. И если не в музей, то...
Олег. Пусть картинно-мебельный вопрос решает Зинаида. Завещание составлено на неё. Если, конечно, Ирина Алексеевна не решит его оспорить...
Ирина. Почему это не решит? Я уже всё решила.
Зинаида. Ну, вот за что вы все ко мне вот так-то?
Зинаида выбегает из столовой. Майк срывается со своего места, бежит следом.
Ирина. Mike, come back here!⁴⁴
Настя. Quit running after stray woman, Mike! What's so good about her?⁴⁵
Ирина. Ладно, пусть бежит. Дурачок какой, а? Жалко ему тётю. Если честно, для меня это тоже как-то... Неправильно. Что вы так смотрите? А, я понимаю, вы все привыкли считать меня бездушным монстром. А я здесь вообще-то пятнадцать лет прожила, родила двоих детей, мне здесь тоже всё не чужое...
Роман. Я согласен, Ира. Продавать дом неправильно.
Олег. А что вы предлагаете, Роман? Нам всем разъехаться ни с чем, оставить вас тут с Зиной на хозяйстве? Мы будем захлебываться в долгах, а вы будете жить припеваючи в роскошном доме? Этак вы ещё и детей с ней народите, такими темпами, и здесь же их пропишете.
Роман. Я попросил бы.
Ирина. Успокойся, Олег, не надо... Я не знаю, как выйти из этого... Не знаю. Мне нужно домой.
Олег. Вы сами говорили, вам в Чикаго не особо-то хорошо живётся.
Ирина. Может быть. Но я не могу вот так вот, взять и...
В столовую заходит Катя. Олег насмешливо смотрит на неё.
Олег. Что? Головка бо-бо?
Катя подходит к раковине, включает воду, пьёт из-под крана.
Ирина. Доченька, ты как?
Катя. Нормально...
Ирина. Город отказался покупать у нас дом под музей. Мы тут обсуждаем вопрос – продавать нам дом или нет. Ты как считаешь? Продавать?
Катя. Продавать, конечно...
Ирина. Подожди... Но ведь для тебя этот дом...
Катя. Что для меня?
Ирина. Мне всегда казалось, что для тебя он значит больше, чем для всех нас.
Катя. Тебе казалось. Он многое значил, когда у нас была семья. Пусть странная, невротическая, но семья. А сейчас у нас её нет. И этот дом – бессмысленное чудовище, которое сожрёт нас при первой подвернувшейся возможности, если мы от него не избавимся.
Ирина. Скажи, тебе совсем не жалко?
Катя. О чём ты?
Ирина. Не жалко дом? Меня?
Катя. А почему мне должно быть жалко тебя? У тебя все хорошо, ты живёшь в Чикаго. Это я восемь месяцев пролежала в психушке, а не ты...

⁴⁴Майк, остановись!

⁴⁵Майк, хватит бегать за чужой тёткой! Что ты в ней нашёл?

Ирина. Началось! Всё, всё, прекрати! Ещё одно слово о психушке...
Катя. И что?
Ирина. И я не знаю! Хорошо! Продавать так продавать! Да делайте вы что хотите! Здесь всё равно уже ничего моего нет! Я надеялась, что вы хоть как-то... Что для вас Илья хоть что-то в вашей жизни... Что мы если не музей, то хоть какой-то мемориал...
Ирина выбегает из столовой. Роман встает, выходит за ней следом.

2.

Ирина в своей комнате швыряет вещи в чемодан.

Ирина. К чёрту! К чёрту! К чёрту!

В комнату заходит Роман.

Роман. Не надо так.

Ирина. А как? Если это никому не надо, то и мне не надо!

Роман. Ты сама говорила...

Ирина. Что я говорила?

Роман. У тебя проблемы в Чикаго.

Ирина. Я думала, здесь будет музей...

Роман. Музея не получилось. Но тебе ведь нужны деньги.

Ирина. Я не понимаю – неужели им никому, совсем никому не жалко?

Роман. Ты сама говорила, что тебе здесь ничего...

Ирина. Мне – нечего! А им?

Роман. У Кати сложное состояние...

Ирина. Перестань! Я слышать уже не могу про её состояние!

Роман. Ты совсем не понимаешь? Про Наташу, про её жизнь...

Ирина. Я всё понимаю! Всё! В этом вся и проблема, что я понимаю! Если бы я ничего не знала, если бы я... Всё, всё, всё, не говори больше ничего! Я уезжаю, всё!

Пауза. Ирина собирает вещи.

Ирина. Я думала, им жалко... Всё-таки Илья, он, понимаешь, он был... Да, может быть, не самым, но он был хорошим писателем. Он написал двенадцать романов. Он собрал коллекцию. Я думала, я буду приезжать... Хорошо, пусть не как вдова, а допустим, как сука-вдова, которая его бросила... Но что-то останется. Может быть, Настя или Майк в дальнейшем, они бы приезжали... А теперь всё. Ниточка рвётся. Всё. Больше ничего никогда. Я больше никогда не вернусь в Россию. Никогда. Никогда, понимаешь. Я до конца жизни буду там, в этой Америке, в этом компьютерном городе. Жить не своей жизнью. Да, я знаю, что всё делаю правильно, это всё правильно, есть Настя и Майк... Но я до конца жизни буду жить там. И будет Крис. До конца жизни. Будут школа детей, потом их колледжи, неоплаченные счета, походы по выходным в тайский ресторан, маникюр, беговая дорожка в спортзале... И больше ничего.

Роман. Я тоже не могу поверить.

Ирина. Поверить во что?

Роман. В то, что больше не увижу тебя.

Ирина. Рома, оставайся. Оставайся. Оставайтесь с Зиной. Мы найдём для Олега деньги на его долю. Что-то продадим. Оставайся, будь здесь хозяином.

Роман. Не могу.

Ирина. Почему? Ты столько лет жил здесь с нами, столько лет был членом семьи. Это и твой дом тоже.

Роман. Нет. Отец Серафим уже дал добро...

Ирина. Монахом, что ли, будешь?

Роман. Да куда мне. Пока послушником пойду, а там...

Ирина. Всё можно переиграть. Зачем тебе этот монастырь? Я не помню, чтобы ты особо верил в бога.

Роман. Ну... А теперь верю.

Ирина. А я тебе не верю.

Роман. Я – бездарь, Ира.

Ирина. И что? Ты из-за этого, что ли?

Роман. И да, и нет. Просто... Не хочу никого мучить. И видеть никого... Вы столько лет про это знали и молчали.

Ирина. А что нужно было говорить?

Роман. Я раньше думал: «Зачем я нужен Илье? Вроде бы мы даже не особенно и близки, а всё же – столько лет вместе». А недавно я понял. Знаешь, красивые девушки очень любят заводить себе страшеньких подруг. Чтобы оттенять на их фоне свою красоту. Так вот, для Ильи я много лет был той самой страшенькой подругой. Скучным бесталанным неудачником-погорельцем.

Ирина. Это не совсем так было...

Роман. А как?

Ирина. Просто Илья... Ему невыносимо было одному. Он же из деревни, он привык по сто человек за одним столом. Ему было подавай родовое поместье, гнездо, род... А мы оказались хилыми индивидуалистами и развалили все его начинания. Ты – единственный человек, за которого он мог ухватиться. Оставайся. Я прошу тебя.

Роман. Нет, хватит жить чужой жизнью.

Роман смотрит на Ирину, затем подходит к ней, пытается её поцеловать.

Ирина. *(Отстраняясь)* Не надо, Рома.

Роман. Просто я...

Ирина. Я знаю. Я всё знаю.

Пауза.

Ирина. Когда я выходила замуж за Илью, я видела, какой он. И то, что он выпивал, и его увлечения... Мне говорили – зачем? А я смотрела на него и думала: «Но я смогу его переделать». Я смогу...Я, понимаешь? Ради меня он станет другим. А оказалось, что никого переделать нельзя. И переиграть ничего... Удачи тебе там, в монастыре.

Ирина хочет уйти.

Роман. Ира, подожди... Скажи, а тогда зачем?..

Ирина. Я очень сильно любила Илью, Рома. Хотела ему отомстить.

Уничтожить...

Ирина выходит из комнаты. Роман с космической скоростью перебирает чётки, что висят у него на руке.

3.

Катя моет посуду. Олег помогает – собирает посуду со стола.

Катя. Так странно. Ничего.

Олег. Что ничего? По-моему, ничего себе всё...

Катя. В больнице мы привыкли – после обеда сон-час, потом групповое занятие, потом прогулка... Дни проходили так вместиительно. А сейчас – ничего.

Олег. Ты скучаешь по больнице?

Катя. Нет. Просто здесь есть воздух. И им тяжело дышать.

Олег. А мне нормально. Нормально вообще. Даже Ирина Алексеевна не такой монстр, как казалось бы... И воздух, такой воздух...

Катя. Ты же приехал за деньгами.

Олег. Приехал. Но тут воздух.

Катя. Воздух есть везде. У меня квартира тридцать два квадрата. Там нет ничего. Но там тоже есть воздух. Когда я просыпаюсь, иногда думаю: «Вот и я живу тоже».

Олег. Почему ты ничего не изменишь?

Катя. Для того чтобы что-то изменить, нужна вера. Нужна любовь.

Олег. И что?

Катя. А её нет.

Олег. А ты придумай.

Катя целует Олега.

Катя. Придумала вот.

Олег. Ты серьезно?

Катя. А то нет?

Олег. Нет, ты если как бы...

Катя. Успокойся, мы не брат и сестра...

Олег. Ты таблетки пьёшь.

Катя. И что?

Олег. Не знаю.

Катя. Это не заразно.

Олег. Но всё это...

Катя . Тебя пугает, что я лежала в психушке? Да, я лежала в психушке, но я не кусаюсь, успокойся!

Олег. Меня пугает вообще вся ваша семья!

Катя. А ты – не наша семья?

Олег. Выходит, что нет. Ну как бы, отец мной не интересовался...

Катя. Я тоже не ваша семья.

Олег. Но ты как бы...

Катя. Я как бы... Ты прав.

Олег. Я не знаю, что там было, но...

Катя. Там ничего не было. Ну как... Знаешь... Мне было четырнадцать... Я тогда увлекалась «Кино» и «Doors». «TheDoors»! Я не могу сказать, что до этого ничего... Но это были просто странные взгляды. «Оденься, надень нормальную юбку, не носи эти шорты» – так она мне говорила. Это было просто. Просто обычно... Как «съешь кашу». Это она сама, она сама виновата... У меня были проблемы в школе. С одноклассниками и вообще. И он сказал: «Пойдём, поговорим». Мы пошли туда, где заброшенный завод, по рельсам. Там была чёрная пыль на земле. Мы говорили о «TheDoors». О школе мы не говорили. Просто вообще... Была осень, все было так странно, чёрная земля, и заброшенный завод рисуется в стеклянном небе словно замок. Я заплакала. Тогда он взял мою руку и поцеловал её в ладошку. А потом мы пошли домой. Всё, ничего больше. И уже возле дома она выбежала из-за кустов, она начала кричать, она кричала: «Я всё видела, я видела, видела, видела, я всё знаю!». И потом ещё сказала мне: «Тебе не рано с мужиками гулять?». И тогда он залепил ей пощечину. А я побежала обратно к заводу, туда, где чёрная земля. Потом они искали меня, бегали там и кричали. А я сидела в разрушенном вагончике и не выходила. Долго-долго... И я решила там, что если она так думает, то и пусть... Значит, в этом правда что-то есть. Что, получается, я ей теперь не дочь, а какая-то соперница. А до этого я никогда об этом не думала, я ничего не понимала до этого. Наутро я надела короткое белое платье и пришла к нему в кабинет... Но тогда он ещё не понял. А потом...

Олег. Не надо, всё, не рассказывай...

Катя. А потом...

Олег. Всё, я не хочу знать, что там у вас...

Катя. Я заболела, и он пришёл с графином, а в графине был клюквенный морс...

Олег. Саламандра, я серьёзно, всё, хва!

Катя. И вот тогда он всё понял, что происходит и он даже не сопротивлялся этому, почти нет, только дрожал потом...

Олег залепляет Кате пощечину.

Олег. Не надо мне рассказывать эти гадости о моём отце! Если что-то было, я не знаю, было или нет, но если что-то и было, можно это держать при себе? Можно не раскладывать передо мной своё грязное бельё?

Катя замолкает. Молчание.

Олег. Прости... Просто правда, не надо тебе было...

Катя молчит.

Олег. Ладно, я пойду, наверное...

Катя молчит.

Олег. Ну ладно, всё, Саламандра... Ты же крутая, просто тебя иногда заносит, сама знаешь... Ну всё... Ну скажи что-нибудь...

Олег пытается дотронуться до Кати.

Катя. (*Спокойно*) Не трогай меня.

Олег. В смысле, я не трогаю...

Катя. Вообще ко мне не прикасайся.

Олег. Ты же пять минут назад сама на меня вешалась. Говорила, что влюбилась.

Катя. Я пошутила.

Олег. В смысле, пошутила? А зачем?

Катя. Да просто так.

Олег. Ничего себе ты даёшь!

Катя. Ну вот... Зачем-то вот так.

Олег. Саламандра, можно тебя попросить?

Катя. Да?

Олег. Не рассказывай мне больше ничего про свою жизнь, пожалуйста. Вообще ничего. Никогда.

Олег выходит из столовой.

Столовая. По столовой идёт Оценщик – мужчина лет пятидесяти, за ним вся семья. Оценщик периодически фотографирует столовую и предметы интерьера на телефон.

Оценщик. Метраж столовой не знаете?

Ирина. Точно нет. Но где-то двадцать...

Оценщик. Хорошо. А это что у вас тут на потолке? Чёрные пятнышки?

Ирина. Это у нас был салют...

Роман. *(Насте)* Твоя работа...

Катя. Они с Наташей варили сгущенку, и банка взорвалась...

Настя. Мы тогда так перепугались... Спрятались под лестницу.

Ирина. Да я помню – грохот был такой, как будто война началась!

Роман. Представляете, мы оставили в столовой двух девочек. Потом взрыв, мы все прибегаем – вся комната в сгущенке, а девочек нет! Испарились!

Оценщик. А тазы зачем?

Зина спешно убирает тазы.

Ирина. Это Зинаида тут вещи стирала....

Оценщик. Вы, кажется, писали, что у вас есть водопровод?

Ирина. Да, дом газифицирован, вода, канализация – всё имеется. А Зинаида всё никак у нас привыкнуть не может. По старинке стирает.

Зинаида. Ага! Деревенщина я!

Зина уносит тазы в чулан.

Оценщик. Кухонный гарнитур у вас старый, да?

Ирина. Ну, он, конечно, старый. Но не очень. Илья Петрович в девяносто девятом с премии купил. Он даже по телевизору тогда сказал в интервью: «Потрачу премию на новый кухонный гарнитур». Тогда стало модно отдавать премии на благотворительность, а он со своим гарнитуром нелепо выглядел тогда...

Катя. Ты помнишь, как мы его устанавливали? Дядя Рома, вы помните? Мама сказала, ширина под фартук между шкафами должна быть шестьдесят сантиметров – ни больше, ни меньше. Илья Петрович с дядей Ромой повесили шкафчики раз – пятьдесят восемь, повесили два – шестьдесят один...

Ирина. В промежутке успели выпить три бутылки водки...

Роман. Так, это уже другая история!

Катя. В итоге они спрятали все линейки и рулетки в доме, чтобы мама не поняла, сколько там сантиметров.

Ирина. И мне пришлось измерять это чёртово расстояние между шкафами спичечным коробком по пять сантиметров... Можно, кстати, было и не измерять. По их лицам и так было понятно –кто-то где-то накосячил!

Роман. Но мы честно хотели шестьдесят! Просто кто-то не учёл погрешность от неровных стен.

Ирина. Просто у кого-то проблемы с геометрией! Господи, как всё это было давно! А как будто вчера.

Оценщик. Так, здесь мне всё понятно. Пойдёмте дальше?

Ирина. Да, идёмте, вот сюда...

Все переходят в гостиную.

Оценщик. Метров тридцать здесь?

Ирина. Где-то так... Когда праздновали юбилей Ильи – сюда вместились пятьдесят человек.

Настя. Да, папин юбилей! Мы с Наташей ещё делали концерт! Наташа танцевала, а я читала стихи.

Катя. Я помню эти стихи!

Настя.

В этом доме большом раньше пьянка была

Много дней, много дней,

Ведь в Каретном ряду первый дом от угла –

Для друзей, для друзей.

За пьянками, гулянками,

За банками, полбанками,

За спорами, за ссорами, раздорами
Ты стой на том,
Что этот дом –
Пусть ночью, днём –
Всегда твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами.

Оценщик. Это же Высоцкий!

Настя. Я тогда Высоцкого не знала. Я в книжке прочла, думала, это стихи.

Ирина. Вот тут буфеты у нас ещё старинные... Вторая половина девятнадцатого века.
Илья Петрович собирал.

Оценщик. Можно посмотреть?

Оценщик открывает дверцу одного из буфетов. В столовую в это время входит Зина.

Зинаида. Только осторожнее, там музейные вещи!

Ирина. О! Зина проснулась!

Зинаида. А что? Я только к тому, что там музейные вещи, надо осторожнее...

Майк. Зина моя!

Ирина. Твоя, твоя, я это уже поняла...

Оценщик. А сколько здесь потолки?

Ирина. Три.

Роман. Лампочка перегорела и беги за стремянкой.

Олег. Зато тут воздух.

Оценщик. И тазы.

Ирина. Это снова Зина стирала.

Оценщик. В разных концах комнаты?

Роман. Ну, вот в этом тазу Зина стирала, а вот в этом я ноги мыл...

Олег. А в этом я! Это у нас такая семейная традиция... Мыть ноги... В тазах... По вечерам.

Ирина. Nastya, run to the second floor and take all these buckets away! Quickly!⁴⁶

Оценщик. Анастасия, не утруждайте себя, пусть стоят. Я, в принципе, здесь всё понял, можем пройти дальше...

Ирина. Здесь на первом этаже остался только кабинет и чулан...

Оценщик. Ну, пройдемте тогда в кабинет...

Все проходят в кабинет.

Зинаида. Вот здесь надо совсем осторожнее, иначе разобьётся...

Ирина. Зина, здесь одни книги! Что тут может разбиться?

Зинаида. Картины упадут, стекло в шкафах треснет, мало ли...

Ирина. Ревностная новочеркасская хранительница старины...

Зинаида. Хватит! Я тут тоже право имею!

Ирина. Имеете, имеете, кто же с этим спорит? Пока суд не решил иначе.

Оценщик. Библиотеку вы оставляете?

Ирина. Пока нет решения суда, библиотеку вывозит Зина. Правда, не знаю, куда и зачем она ей.

Зинаида. Я разберусь, куда и зачем.

Ирина. Это как знаете. Насколько я понимаю, читать вы обучены...

Катя. Мама, ну хватит!

Ирина. Всё, молчу.

Оценщик. Ой, какие прекрасные словари у вас есть. Какой год? А можно глянуть?

Ирина. Да, конечно...

Зинаида. Только аккуратно.

Оценщик открывает шкаф, достаёт тяжелый том.

Ирина. На эти словари Илья меня можно сказать, купил. Я ведь закончила иняз, романо-германскую филологию, то есть немного во всём этом разбиралась... Ну как, разбиралась. Какой-то интерес был. И, собственно, под соусом «посмотреть словари» я впервые в этот дом и приехала. Тогда ещё без Катки...

Катя. А вдвоём мы с тобой в какой раз приехали? Во второй?

Ирина. Во второй, да.

Катя. Илья Петрович подарил мне барби с гнувшимися ногами и руками.

⁴⁶Настя, беги на второй этаж и убирай оттуда все тазы! Быстро!

Настя. Мы потом ей отрезали волосы...
Катя. Руки бы вам отрезать!
Настя. Мы хотели каре! Получилось под мальчика...
Катя. Помнишь, мы ещё шли до остановки, и на остановке я нашла майского жука? А потом пошёл дождь.

На Оценщика с верхней полки падает какая-то коробка.

Зинаида. Я же говорила, осторожнее! Что там? Стекло?

Оценщик. Да нет, она легкая!

Ирина. Дайте мне.

Ирина открывает коробку. В коробке – ползунки, соска и две погремушки.

Ирина. *(Рассматривает ползунки)* Это чьи? Наськины или Майка? Или твои, Катя?

Вроде бы у Насти такие были...

Катя. Это Наташины.

Ирина. Наташины, да?*(Пауза)* Надо тебе?

Катя. Нет. Пусть лежат.

Олег. Ну вот. А я уж понадеялся, что там завещание.

Роман. Давайте, я положу на место, я высокий...

Роман забирает у Ирины коробку, запикивает её на самый верх.

Настя. *(Подходит к стене)* А вот зарубки, смотрите! Папа делал... Вот моя.

Настя встаёт к стене. Все подходят к Насте.

Роман. Вот это да! Вот это ты выросла!

Катя. Смотрите, а вот моя...

Катя встает к стене рядом с Настей.

Роман. Ты тоже выросла, Катюха! Не так, конечно, как Анастасия Ильинична, но...

Настя. А вот Майка! Mike, come to me!

Майк подбегает к Насте. Настя берёт его за руку. Все трое – Катя, Настя и Майк стоят у стены, каждый у своей зарубки. И только у четвёртой, подписанной как «Наташа», никто не стоит.

Оценщик. Вы не продадите этот дом за шесть миллионов. И за три не продадите.

Ирина. А что не так?

Оценщик. Всё так. Я сам по первому образованию историк. И краевед. У вас всё так. Очень хороший дом – старинный, красивый, газифицированный, с относительно новыми коммуникациями. Большой сад. Но это с точки зрения эстетики.

Ирина. А с точки зрения шести миллионов?

Оценщик. Ребята, вы откуда такие взялись? С луны свалились? Дом старый, с протекающей крышей, я уж не говорю про щели в полу. Знаете, сколько стоит его реставрировать? Примерно столько же, сколько вы за него просите. Ну хорошо, его ценность не в отделке, а в исторической составляющей и внешнем виде. Но люди, готовые купить этот дом, жить сюда не поедут. Здесь нет инфраструктуры, понимаете? Местные жители уезжают в мегаполисы. Большая часть рынка – это довольно ветхое жилье, которое можно купить на материнский капитал. У людей нет работы, нет денег. Если бы здесь ещё было что-то вроде заповедной зоны... Но и этого давно нет. В реке недавно нашли свинец, по телевизору об этом даже говорили, не слышали?

Катя. Опять река. Будь проклята эта река...

Оценщик. Воздух отравлен единственным нашим заводом. Здесь так, как вы, люди не живут. Они выживают.

Ирина. Но это же, можно сказать, единственный в своём роде... Русский модерн. Конец девятнадцатого века. Раньше здесь много было таких домов. Потом их почти все снесли. Некоторые сами развалились. Кто-то коттеджи построил... А Илья сохранил. Как ему он достался в восемьдесят четвертом от города, так почти полностью и сохранился... Дом старый, да, но ещё лет двести...

Оценщик. Я понимаю, всё понимаю. Можете попытаться. Моё дело – предупредить.

Олег. Что, совсем не продадим? А за миллион?

Оценщик. И за миллион.

Олег. А за пятьсот тысяч? Ну, хотя бы за триста? За двести?

Оценщик. Я не занимаюсь сделками такого уровня.

Ирина. И что же нам теперь делать?

Оценщик. Я не знаю, честное слово. Кстати, такой же сундук стоял у моей бабушки в деревне...

Ирина. Может быть, это вашей бабушки и есть. У Ильи была страсть – ездить по деревням и покупать у стариков вот такое вот...

Оценщик. Моя бабушка жила в Ульяновске.
Ирина. Мы были в Ульяновске в две тысячи первом. На каком-то конкурсе, я уже не помню... Илья там был в жюри. В первый же день я подвернула ногу, и Илья поднимал меня в гостиницу на руках. Тридцать восемь ступеней вверх по лестнице... А ещё мы всё время пили коньяк и смеялись. (*Оценщику*) Пойдёмте, я провожу вас.

5.

Гостиная. Вся семья в сборе. Майк носится по комнате, играет пластмассовым танком. Катя демонстративно сидит в телефоне.

Зинаида. (*Майку*) Нравится машинка? Это русский танк! Ты-дыщ-ты-дыщ по врагам!

Майк. Ты-дыщ-ты-дыщ!

Зинаида. Вот, будешь в своей Америке тёти Зинин подарок вспоминать.

Майк. Танк!

Зинаида. Танк, ага... А песенку помнишь, я тебя научила? Спой по-русски!

Майк мотает головой.

Зинаида. Ну, песенку! Ты же пел!

Ирина. Майк, come here! Sit down and shut up!⁴⁷

Майк послушно садится на диван. Ирина поднимает чемодан.

Ирина. (*Насте*) Ты уверена, что не будет перевеса? Вот какого чёрта ты взяла с собой столько шмоток? Ты всё равно ходишь в одном и том же...

Настя. Mom, stop it!

Роман. Вы точно не опоздаете на поезд? Может быть, позвонить в такси – попросить приехать пораньше?

Ирина. И будем на перроне топтаться...

Зинаида перетаскивает картины и посуду в гостиную, заворачивает их в одеяла и скатерти, укладывает в коробки.

Ирина. Зина, не мельтешите перед глазами, у меня от вас уже голова болит!

Зинаида. Что мне теперь – невидимой стать? Вечером приедут грузчики, мне тоже нужно собираться...

Ирина. Повезёте награбленное добро в Новочеркасск?

Зинаида. Оно не награбленное, оно моё. Мне Илья Петрович завещал.

Ирина. Я в курсе, Зина. И что дальше? Куда вы всё это денете? Нет, это не моё дело, конечно, но просто интересно? Заставите им тёткину квартиру, продадите?

Зинаида. Сдам в музей. Как личные вещи известного писателя.

Ирина. Так сдайте здесь.

Зинаида. Здесь не хочу. Город от него отказался.

Ирина. Вы – дура, Зина.

Настя. Mom, stop it!

Майк. Зина, оладушки, ам-ам!

Зинаида. Ам-ам, миленький, ам-ам...

Олег. А как вы это всё повезёте? Просто интересно...

Зинаида. Повезу. Я уже и денег заплатила. Мне для памяти Ильи Петровича не жалко.

Ирина. Какая героическая преданность! Вы обязательно попадёте в анналы истории, Зина!

Зинаида. Сама ты попадёшь в аналы! В такие ещё аналы попадёшь!

Ирина. Я попросила бы!

Роман. Ира, правда, хватит...

Олег. Ну вот и ничего себе! Не успели встретиться – уже пора прощаться!

Ирина. Так бывает.

Олег. Знаете, я тут надумал такую штуку... Хорошо, что нам нечего делить. Ведь правда хорошо, скажите? Я сюда ехал – думал, глотку вам перегрызу. А вот не перегрыз, и как-то даже ничего себе...

Роман. Это правильно, не надо глотки, зачем?

Олег. Я вам теперь фотографию своего сына вышлю. В фэйсбуке. Хотите? Он Наське с Майком кем это – дядькой, что ли, выходит? Вот ничего себе!(*Смеется*)

⁴⁷Майк, иди ко мне. Сядь и помолчи!

У Романа звонит телефон. Роман отвечает на звонок, слушает голос диспетчера в трубке.

Роман. Такси подъехало. Синяя мазда.
Ирина. Так, Настя, давай ещё раз всё проверим. Документы? Взяли. Деньги? Взяли. Планшеты, телефоны, зарядки? Я свои взяла. Ты взяла?
Настя. Apparently!⁴⁸
Ирина. Не «apparently», а проверь.
Настя. I took it, I did!⁴⁹
Ирина. Ок. Всё остальное, если и забудем – не страшно. Кстати, почему ты перестала говорить по-русски? Мы ещё не уехали.
Настя. I don't want to! I don't want to speak Russian! Russian is a language in which everyone suffers. Natasha spoke Russian and died. You speak Russian and you can't agree on anything. I'll speak English, understand? Because when I speak English, I'm fine. When I speak English with friends at school – we're fine. I speak English with Chris, and we're doing well. But when I speak Russian to you, it all ends in tears. And I don't want to suffer, I want everything to be ok. So I won't speak Russian any more! Got it?⁵⁰

Пауза.

Ирина. Ну что, будем прощаться?
Олег. Ну, прощайте, Ирина Алексеевна. Рад был повидаться. Живите счастливо, как говорится.
Ирина. И буду. Почему нет? Я по американским меркам ещё даже не старая.
Олег. Вы по всем меркам ничего себе...
Ирина. Счастливо оставаться, Зина! Хорошо вам доехать до Новочеркаска. Память о моём муже берегите, как зеницу ока.

Зинаида подходит к Ирине.

Зинаида. Ладно вам, Ирина, умничать. Я всё понимаю. Растите деток, не болейте. Пусть у вас там всё... Нам теперь делить нечего, я так вам скажу. Всё в прошлом.
Ирина. Это правда. Теперь уже совсем всё...

Ирина обнимает Зинаиду.

Ирина. Если будете вещи продавать – смотрите, не продешевите! Илья за них большие деньги платил когда-то...
Зинаида. Да я в музей...
Ирина. Ну, в музей – так в музей!

Ирина подходит к Роману. Молчание.

Роман. Что сказать...
Ирина. Ничего не надо.
Роман. Кукушонок...
Ирина. Я знаю, я все знаю...
Роман. Тогда – удачи.
Ирина. И тебе. Обнимемся?

Роман неловко обнимает Ирину.

Ирина. Молись там за меня, ладно?
Роман. Ты ведь никогда больше не вернёшься в Россию?
Ирина. Никогда не говори никогда.
Роман. Просто если вернёшься...
Ирина. То что?
Роман. Я почувствую.
Ирина. Что за сантименты?
Роман. Может быть, старость...

Ирина улыбается Роману – широко, открыто.

Ирина. Не надо старость... Надо жить.

⁴⁸ По всей видимости.

⁴⁹ Я взяла, взяла!

⁵⁰ Я не хочу! Я не хочу говорить по-русски! Русский язык – это язык, на котором все страдают. Наташа говорила по-русски и умерла. Вы говорите по-русски и ни о чём не можете договориться. Я буду говорить по-английски, понятно тебе? Потому что, когда я говорю по-английски, у меня всё хорошо. Когда я говорю по-английски в школе с друзьями – у нас всё хорошо. Мы говорим по-английски с Крисом, и у нас с ним всё ок. А потом мы говорим с тобой по-русски, и всё обязательно заканчивается слезами. А я не хочу страдать, я хочу, чтобы у меня все было ок. И я не буду больше говорить по-русски никогда! Ясно тебе?

Роман. Я знаю. Я и живу. (*Насте и Майку*) Настя, Майк, чего встали, идите прощаться!

Дети подбегают к Роману, тот обнимает их.

Роман. Так, Настёна, даю тебе старческое дяди Ромино наставление – Майка беречь, воспитывать и баловать! Баловать по три раза на день, воспитывать можно чаще!

Ирина поворачивается к Кате.

Ирина. Катя... Доченька, мы поехали...

Катя. Ага.

Ирина. Может быть, оторвёшься от телефона?

Катя откладывает телефон, встаёт с кресла, подходит к матери.

Катя. Давай, мам, была рада тебя повидать...

Ирина. Береги себя, доченька.

Катя. Хорошо.

Ирина. Пей таблетки, раз они тебе помогают.

Катя. Я пью.

Ирина. (*Идёт к дверям*) Ну всё, мы поехали! Дети, come on!

Катя. Мам... Мамочка, ты правда уезжаешь?

Ирина. Катя...

Катя. Мама... Мама... Мамочка, не оставляй меня. Мамочка, пожалуйста... Мамочка, я здесь не могу одна без тебя. Пожалуйста, не уезжай! Мама! Куда ты без меня?! Как я здесь одна? Мамочка, не оставляй меня! Мама, пожалуйста! Не уезжай! Забери меня с собой!

Ирина. Катя, я не могу... У тебя нет визы...

Катя подбегает к Ирине, обнимает её, целует, цепляется за мать.

Катя. Я сделаю, я всё сделаю. Мама, не уходи, я прошу! Как я без тебя?! Я же одна не могу, меня же снова в психушку... Я под кроватью у тебя буду жить, я работать буду, я в официантки пойду, в грузчики пойду, я всё, что надо, сделаю! Мама, нет, не уходи, не оставляй меня! Я не могу одна! Ты мне нужна, мамочка! Мамочка, пожалуйста...

Олег. (*Оттаскивает Катю*) Ну всё, всё, Саламандра, кончай...

Катя. Мамочка! Я люблю тебя! (*Вырывается*) Я тебя никуда не пушу! Я тебя не отпускаю! Нет!

Катя повисает на Ирине, валит её на пол, целует.

Ирина. Уберите ее! У неё истерика! Рома, помоги мне!

Роман с Олегом оттаскивают Катю, усаживают её на диван, держат вдвоём.

Ирина. Где её лекарства?

Зинаида. Я в комнате видела. Принесу.

Зинаида уходит.

Катя. Мамочка, не бросай меня... Помнишь, ты мне в детстве после лагеря сказала, что никогда меня больше не оставишь одну? Помнишь? Не бросай! Я не могу одна! Я прихожу в квартиру, а там всё чужое! У меня никого нет в этом мире, кроме тебя!

Ирина. Катя, девочка моя... Ты уже взрослая. Мне тебя жалко. Я тебя даже люблю. Но ты должна сама. Ты сама выбрала свою жизнь, сама всё решила... Я давно не сержусь на тебя. Но я не могу быть рядом. У тебя свой путь, у меня – свой. У меня есть другие дети, им я должна больше, чем тебе. Всё, такси сейчас уедет без нас! Настя, чего встала, бери Майка! Давайте, приводите её в порядок, мы поехали!

Настя. Goodbye everyone!⁵¹

Майк. Зина! Где Зина?

Настя. No Zina, come on!⁵²

Майк начинает реветь.

Ирина. Так! Это что ещё за капризы? Calmdown!⁵³

Ирина, Настя и Майк уходят. Слышно, как хлопают дверцы машины. Машина уезжает. Катя вдруг замирает, перестает вырываться.

Олег. Всё? Можно тебя отпускать?

Катя кивает. Роман и Олег отходят от Кати. Катя ложится на диван, укрывается пледом с головой. Появляется Зинаида.

Зинаида. Уехала? И сорок дней отмечать не стала...

Подходит к Кате.

Зинаида. Кать? Катюша, я твои лекарства принесла, все, которые на тумбочке были... Не знаю, какие правильные... Выпьешь?

⁵¹ Всем до свидания!

⁵² Нет Зины, пошли!

⁵³ Успокойся!

Катя не отвечает.

Роман. Не трогай её...
Зинаида. Что ж за мать такая, своего ребенка так мучать...
Роман. Не надо.
Зинаида. Я просто мнение высказываю.
Олег. Саламандра, всё хорошо? Просто скажи «да», и можешь лежать дальше.
Роман. Пусть лежит... Ей надо поспать.
Олег. Наверное, нужно её покараулить? А то вдруг она чего?
Роман. А вот это правильная мысль. Ты когда уезжаешь?
Олег. Вечером у меня поезд.
Роман. Ну, до вечера вы с Зиной тут, а ночью я подменю...
Олег. Лады...
Роман. Вот это вышла история...
Олег. Мужика ей надо нормального. А не вот это вот всё... Она ведь мне всё рассказала.
Роман. Она всем это рассказывает. А на деле – как оно было? Кто знает? Илья об этом никогда не говорил. И нам не стоит.
Зинаида. Господи, как я это всё повезу? Куда повезу? Музей-то мне ничего не ответил в Новочеркасске, это с директором они должны! Были бы у него казацкие корни – они бы с руками!.. И как всё это погружать? Вы поможете мне, Рома? Поможете? И, главное, все на меня ополчились! Когда Илья Петрович был жив, я под его защитой ходила, а теперь никому до меня нет дела, как будто и не человек я вовсе!
Роман. Я помогу вам, Зина. Конечно, помогу, не переживайте.
Зинаида. И, главное, я же во всём и виновата осталась... И куда я поеду? И как я это всё повезу? Бросать же нельзя, бросишь – бомжи растащат, в пустом-то доме... А это ведь всё народное достояние искусства, поделки старины, с ними нельзя грубо, их надо сохранять... А сорок дней я ему сама справлю, без них без всех... Я его любила, я и буду одна, а они, что они, понимают разве?
Зина продолжает тихонечко причитать себе под нос.
На улице начинается дождь. Дом наполняется шорохами и цоканьем.
Зина. Тазы!

Роман. Не надо. Пусть.

Вдруг Катя резко садится на диване, откидывает плед.
Катя. Я поехала в Москву.

6.

Самолёт. Ирина, Настя и Майк сидят пристёгнутые на своих местах.

Ирина. (*Насте*) Ты его раскраску в багаж положила?

Настя. No. I took it.⁵⁴

Ирина. Спасибо.

Настя. Enjoy!⁵⁵

Голос стюардессы. Уважаемые пассажиры! Мы готовимся к взлёту и просим вас: разместить ручную кладь на багажной полке или под сиденьем кресла перед вами; застегнуть ремень безопасности; привести спинку кресла в вертикальное положение; убрать откидной столик; открыть шторку иллюминатора; выключить мобильные телефоны и все виды электронных устройств.

Обращаем ваше внимание, что в течение всего полета запрещено употребление алкогольных напитков, кроме предложенных на борту, а также курение, в том числе электронных сигарет. Туалетные комнаты оборудованы детекторами дыма.

Стюардесса дублирует свою речь на английском. Самолёт начинает утробно шуметь, трогается с места, разгоняется и взлетает.

Настя. Майк! Look! We're flying!⁵⁶

Майк вдруг начинает петь, коверкая и путая слова.

Майк.

⁵⁴ Нет. Я взяла.

⁵⁵ Наслаждайся!

⁵⁶ Смотри! Мы летим!

Ты, дороженька, ты Господня,
Да никто же по тебе не прохаживает.
Да никто же по тебе не прохаживает,
Не прохаживает, не проезживает.
Только шли они, прошли да три ангела,
Да три ангела, три архангела.
Да три ангела, три архангела,
Да вели они, вели душу грешную.
Да вели они, вели, все выспрашивали:
«Что ж ты, душенька-душа,
 к нам у раю не зашла?
Что ж ты, душенька-душа, мимо раю прошла?
Мимо раю душа шла, к нам у раю не зашла?
Как у нашем-то раю жить да весело.
Жить да весело, только ж некому.

Ирина плачет.

Конец